



ТАТЬЯНА ГОГОЛЕВИЧ  
СЕРГЕЙ ГРАЧЁВ  
СТАНИСЛАВ ГРИГОРЬЕВ  
АЛЕКСАНДР ГУЛЯЕВ  
АЛИНДА ИВЛЕВА  
ФАРИТ ИШМУРАТОВ  
АЛЕКСЕЙ КОЛЕСНИКОВ  
МАРИНА КРАВЕЦ  
АНАТОЛИЙ КУЛИКОВ  
ИЛЬЯ ТАРАНОВ  
МАРАТ ШАФИЕВ  
ЕЛЕНА ШУМАРА

ПРЕМИЯ  
«ДИАС»

**СБОРНИК ПРОЗЫ ЛАУРЕАТОВ  
ПРЕМИИ "ДИАС-2024"**

**Сборник прозы лауреатов премии «ДИАС-2024»** / Ред.-сост. Галина Булатова.  
– Тольятти, 2024. – 52 с.

## СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Сергей ГРАЧЁВ. На Мартынчике	5
Алинда ИВЛЕВА. Две капучины	9
Анатолий КУЛИКОВ. Корни	12
Александр ГУЛЯЕВ. Танька	17
Фарит ИШМУРАТОВ. Анвар абый	20
Илья ТАРАНОВ. Ванечка	23
Татьяна ГОГОЛЕВИЧ. Красные яблоки в холодных садах	27
Алексей КОЛЕСНИКОВ. Серьги с бриллами	32
Марат ШАФИЕВ. В поисках прошлого	37
Станислав ГРИГОРЬЕВ. Донеси светло	41
Марина КРАВЕЦ. Бесценный гостинец	45
Елена ШУМАРА. Не любила	49



## ПРЕДИСЛОВИЕ

В сборник вошла проза 12 лауреатов Международной литературной премии «ДИАС-2024». Премия носит имя казанского писателя, философа, основателя теории мегачеловека и общепланетарной религии Диаса Валеева (1 июля 1938 – 31 октября 2010).

Шестой год подряд на соискание премии его имени поступают сотни заявок со всех уголков земли и лучшие из лучших получают призы – шары из натурального камня как философский символ будущего, безграничности, объединения, как память о том, что сам Диас Валеев окончил геологический факультет Казанского университета.

По-прежнему девизом премии остаются слова писателя:

*«Стань творцом! И знай: творчество разнообразно. Это не только писание книг, картин, но делание любой вещи. И в творчестве вещей, идей и образов ты всегда мегачеловек. Ты увеличиваешь богатства мира, материальные и духовные, ты – сродни творящей силе природы».*

В VI сезоне поступило свыше 200 заявок от авторов из России, Беларуси, Казахстана, Азербайджана, Израиля. Итоги премии оглашены 1 июля, в день рождения Диаса Валеева.

По словам члена жюри премии Елены Сафроновой, «у номинаций премии уникальные названия: «Дело», «Имя», «Абсолют», «Судьба». Это не только аббревиатура имени Валеева, но и комплекс жизненных ценностей и смыслов, как их сформулировал мыслитель...»

Лауреатами в номинации «Дело» в этом году стали **Сергей Грачёв** (Московская обл., г. Подольск), **Алинда Ивлева** (Ленинградская обл., г. Никольское), **Анатолий Куликов** (Самарская обл., г. Тольятти).

Обладателями премии в номинации «Имя» названы **Александр Гуляев** (г. Тула), **Фарит Ишмуратов** (Башкортостан, г. Уфа), **Илья Таранов** (Ульяновская обл., с. Арское).

Номинация «Абсолют» представлена лауреатами – **Татьяной Гоголевич** (Самарская обл., г. Тольятти), **Алексеем Колесниковым** (г. Белгород), **Маратом Шафиевым** (Азербайджан, г. Баку).

Победители в номинации «Судьба» – **Станислав Григорьев** (г. Москва), **Марина Кравец** и **Елена Шумара** (обе г. Санкт-Петербург).

В составе жюри были известные российские литераторы, победители премии «ДИАС» прошлых сезонов: **Шахриза Богатырёва** (Карачаево-Черкесия, г. Карачаевск), **Дмитрий Воронин** (Калининград), **Лариса Галушина** (Архангельская обл., г. Северодвинск), **Алексей Жуков** (Латвия, г. Рига), **Егор Куликов** (Московская обл., г. Люберцы), **Юрий Мышев** (Татарстан, г. Тетюши), **Елена Сафронова** (г. Рязань) и **Елена Севрюгина** (Московская обл., г. Мытищи).

Хочется привести слова члена жюри премии одного из предыдущих сезонов **Елены Крюковой** (г. Нижний Новгород):

«Что такое литературная премия? Это отнюдь не жажда, чтобы тебя обласкали и заметили. Хотя вся соль премиального пространства именно в отборе лучших и их награждении. Премия – и в литературе, и в других областях деятельности человека – это событие, где есть два главных, ведущих момента: соревнование и находка.

Соревнование, состязание – естественное для человека состояние: быстрее, выше, сильнее! – в спорте; интереснее, креативнее и важнее для людей – в науке... а что же в искусстве?

Внутри пространства премии ДИАС – это возможность обнаружения, нахождения оригинального, нового творческого имени. Находка в геологии – это золото, алмаз, нефть, руда. Земля отдаёт богатства, если ты их обнаружишь. Художник отдаёт людям свои сокровища. Время, события, дела, иные имена и иная информация наслаиваются пластами, накладываются друг на друга.

Трудно в потоке, в стремнине, в скрещении, в гигантском массиве современных текстов открыть воистину новое, небывалое. Премия «ДИАС» придумана именно для этого. Ведь она – имени Диаса Назиховича Валеева, а он сам был художником, философом, футурологом: пророком, как любая крупная личность, имеющая в жизни смелость напрямую работать с огненной материей Времени».

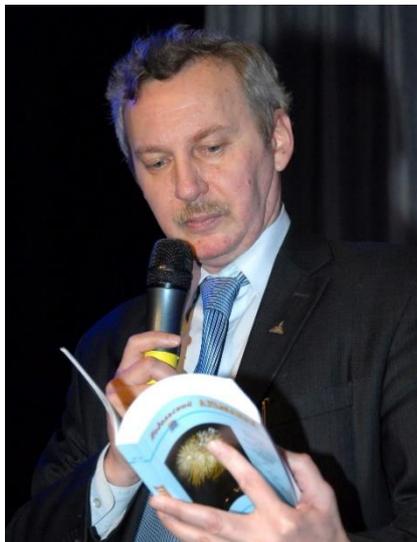
А вот что пишет **Елена Севрюгина** из подмосковных Мытищ, постоянный член жюри премии «ДИАС»:

«Мне как члену жюри всегда интересно наблюдать за ходом событий, знакомиться с рассказами участников. В этом году, что не удивительно, было много работ, посвящённых теме СВО. Что поделать – мы живём в такое время. Но тем интереснее было читать рассказы, уводящие от политики в сферу чистого искусства. И тем приятнее, что среди работ-фаворитов попадались и принадлежащие тем авторам, которые хорошо запомнились и полюбились мне ещё с прошлого года...

...Для счастья нужно не так уж и много: быть верным себе и быть преданным любимому делу. Именно этой преданности своему делу я желаю всем участникам конкурса и ещё раз всех благодарю за чудесные открытия и радость прочтения».

*Галина Булатова, учредитель и организатор  
Международной литературной премии «ДИАС»*

# ЛАУРЕАТЫ ЛИТЕРАТУРНОЙ ПРЕМИИ «ДИАС-2024», НОМИНАЦИЯ «ДЕЛО»



**СЕРГЕЙ ГРАЧЁВ**

**(Россия, Московская обл., г. Подольск)**

Родился 11 февраля 1961 года в г. Подольске. Прозаик. Окончил Литературный институт им. А.М. Горького. Работал редактором в газетах, журналах, издательствах Подольска и Москвы. Член Союза писателей России, Союза журналистов России. Автор книг прозы «Медвежий баян», «Если ты смеёшься...», «Огневое правило капитана Шамаева», «Тропой зелёной ящерицы». Публиковался в журналах «Москва», «Дон», «Нижний Новгород», «Аргамак». Рассказы и сказки переведены на итальянский, чеченский, турецкий, киргизский языки. Участник Всероссийского литературного фестиваля «Осенины» (2019). Награждён дипломами и медалями Союза писателей России. Лауреат конкурса альманаха «Московский Парнас» (2004), конкурса им. А.И. Куприна «Гранатовый браслет» МГО СП России (2020), лауреат Международной литературной премии «ДИАС-2024».

## **НА МАРТЫНЧИКЕ**

Ночью дед Тихон вышел в сад: сквозь сон ему померещилось, что в курятнике всполошилась птица.

«Показалось», – подумал он, прислушиваясь к лягушачьим перепевам и отдалённому шуму плотины на Мартынчике. Потом он сорвал с грядки редиску, отёр её ботвой и посветил прихваченным фонарём. Редиска попала с прожелтью; из грязно-жёлтой полоски на её малиновом боку вылез белёсый червячок и, как показалось деду, взглянул на него двумя крохотными, словно уколы иголки, точечками глаз. Сковырнув червяка ногтем, дед Тихон положил редиску в рот.

Крона единственной в саду яблони словно вознеслась далеко выше дома, к самому небу: чёрному, засветлённому Млечным Путём. Вселенная окружила мириадами звёздных искр крону дерева, благоухающего по-весеннему свежо и пряно, завертела мировые спирали вокруг яблони деда Тихона. Рассеянная дорожка света пробежала от дедова фонаря в небо.

Встать бы на неё, подумалось, и уйти туда, куда старая яблоня может запросто подниматься каждую ночь.

Майский жук врезался в стекло фонаря и, свалившись на землю, отчаянно зажужжал. Ему ответил другой жук, и спустя минуту дед Тихон ощутил себя окружённым невидимыми дребезжащими крыльями.

И вот когда он собирался было вернуться в избу, послышался дробный топот чьих-то босых ног по тропинке, что от кустов черёмухи спускалась к речке...

...Прошлой весной в селе Замартынье в пруду пропали раки. Осевший после спуска воды мартовский лёд сдавил водяные пробки в ямах, омутах, и стоило пробить лунку, как фонтаны с грязью и рыбой вздымались над прудом на потеху ребятишкам. После такой «чистки» и пропали клешняки.

И вдруг по этой весне прошёл слухок, что раки объявились в реке – в Мартынчике, под Белой горой. Сельские мальчишки воспрянули духом: раковая охота в почёте, да ещё Егорка, гораздый до приключения малец, обещал добыть особую наживку для раков.

Внезапный ливень едва не расстроил все планы мальчишек, но, когда приунывшие было по своим домам ребята махнули на затею рукой, вдруг прояснело, и наступила жара. Жара и всеобщая глинистая грязь.

Часа полтора собирались у околицы, недалеко от деревянного моста. Самым последним пришёл Егорка: опасливо оглядываясь, он хоронился за кустами и делал небольшие перебежки, словно в него вот-вот должны были пальнуть из ружья. В руках Егорка держал дохлого гуся. В селе все мальчишки знали, что на такую роскошную приманку раки берут в неограниченном количестве.

Взошли на Белую гору. Гора эта вся из белой глины, оплывает не спеша в реку, а вот рядом, где глина обыкновенная, берег навис над купальней большим обрывом. Мартынчик – речка неширокая; извиваясь в просторных заливных лугах, она то скрывается в ивняке и ольховнике, шумя в узких местах быстрым течением, то белеет далеко видными отмелями. Днём по весне лягушки на Мартынчике особенно жалобно квохчут, а вечером и ночью ведут долгую тягучую спевку. В реке почти нет коряг, кое-где глинистое дно вязко, но идти с бреднем тут одно удовольствие. Луга в половодье на метр, а то и больше, уходят под мутные воды, и ольховники стоят дружными семьями, окружённые водой, и всё-таки в одиночестве, словно брошенные на произвол судьбы.

Мальчишки побросали с обрыва длинные шесты с хлопушкой на конце, боты; спустились сами, скользя по глине, и – как были в одежде, кто в вельветовой куртке, джинсах, кто в свитере и спортивных брюках, но все – в резиновых сапогах – так и вошли в реку. По грудь в воде прошлись купальней под самой Белой горой, таща свои рыболовные снасти – два бредешка. Тощий, маленький Егорка волок на верёвке дохлого гуся, привязав тому предварительно камень на шею. С первого же захода попались щучка и несколько речных окуньков. Пошло зубоскальство:

– С ботом надо навстречу рыбу гнать, а не рядом с бреднем идти, – объяснял рыжий Василий.

– А ты знаешь, куда рыба-то идёт?

– Куда? Она везде плавает. Я уже полкармана плотвы наловил.

– А меня рыба за ноги хватать начала!

Ребятчи голоса от Белой горы далеко несутся по изгибам Мартынчика. Время словно застыло здесь, и лишь невидимо-неслышно оплывает Белая гора, и с ней оплывает маревом солнце – за изрезанные оврагами холмы.

– По воде легче в сапогах ходить, чем по земле с сырыми ногами, – жалуется с берега Серёга, приставленный к ведёрку с уловом.

– Вы мне ботами рыбу гоните, а не лопухи! – большелобый, курносый Василий покраснел от натуги так ярко, как могут краснеть только рыжие. Он погружается под самый подбородок в воду, подсекает, выводя бредешок к берегу. – Тихо, не кусайся! – Он вытаскивает из кармана бредня крохотного окунька.

– Лягушку поймали, – докладывают с другого бредешка. – Сама запрыгнула.

– За лягушками идите подальше, – резонно замечает Василий. – А здесь только воду мутите, как водяные.

Василия уважают замартынские ребята. Достаточно поймать на себе оценивающий взгляд его больших, раскосо-зелёных глаз, посмотреть на его большую голову с бобриком задорных ярко-рыжих волос, чтобы понять: Василий человек чрезвычайно серьёзный. Вот только нос больно пипочкой, несолидный нос. Движения Василия вялы, продуманы тщательно, широкая кисть его руки белым всплеском появляется над водой.

– Ты, Егорка, всю наживку истребал. Брось гуся на берег, – советует он. – И вообще, кто сказал, что раки гроздьями на гусе висеть будут?

– Так это с тухлецей надо, – басит нахмурясь Егорка и снимает со своей старенькой вельветовой курточки водоросли. – А гусь – свежак, не видно, что ли? – он поднимает над водой заветную приманку.

– Такие кольца только у гусей деда Тихона, – сразу подмечает Василий, углядев на гусиной лапе латунную полоску. Все замирают при этих словах. – Он же из них новые сорта выводит.

– Ничего, – неуверенно оправдывается Егорка. – Дед не догадается. Я тихо, босиком к нему ходил...

– Паниковский ты, Егорка, – говорит с досадой Василий, и мальчишеский хохот гулким эхом идёт над Мартынчиком.

– Ну, где же ваши раки? – гундит с берега Серёга. – По склону ходить невозможно, весь извозился. Ведро два раза опрокинул, щучка чуть не уплыла.

– Давно бы хребет ей переломил, – хмыкает Василий и вдруг начинает быстро продвигаться к берегу. – Егорка, брось птицу. Дед!

И тут все видят спускающегося по противоположному Белой горе склону седобородого деда Тихона.

– От гуся камень отвязался, – забарахтался сразу испуганный Егорка. – Всплывает!

Старик выбежал на отмель стремительно, мальчишкам показалось – он вырос из земли, из поросшего громадными лопухами берега. В руке деда Тихона – длинная палка, такая же, наверное, как он сам, или бот. Дед Тихон ничего не говорит, не кричит. Он немой, он просто стоит на другой стороне речки и смотрит. И почему-то страшно становится всем, даже Василию – от сурового укора, который олицетворяет вся фигура деда.

– Полундра! – тонко орёт Егорка, вырываясь на берег из зелёных лапищ осоки. – Наверх по стёжкам.

Так замартынские ребята зовут тропинки: стёжки манят вперёд, распахивая просторы, расстёгивая перед ними зелёную лесную шубу.

За бегущим Егоркой волочится грязный комок, весь в тине и водорослях – всё, что осталось от бедного гуся. Потом бегут остальные рыбачки, оставляя на тропках, вытоптанном стадом в Белой горе, тёмные мокрые следы.

Дед Тихон поднимает палку над головой и... опускает, глядя, как появившиеся на самой вершине горы мальчишки скрываются в красном шаре заходящего солнца. Смотрит на тёмный, опутанный верёвкой комок, который катится под гору. Потом дед поднимается к своему дому, что стоит на отшибе, и сидит на любимом брёвнышке у околицы.

«Что расходы, – думает дед Тихон. – Сверх земли всё равно лежать не буду». Он не видит, что позади него бредут между высоко взрыхленных грядок с едва показавшейся картофельной ботвой – гусята, тревожно вертят головками, прислушиваясь к далёкому протяжному пришепёту пастушьего кнута. Не видит он и соседского кота, который сидит на соломенной крыше покосившегося сарая и не сводит взгляда с гусят.

Дед Тихон разглядывает извилистый Мартынчик, ало подкрашенный солнцем. Потом смотрит под ноги, где яркие незабудки сияют чистой лазурью, таинственно и заповедно. И вздыхает.





## **АЛИНДА ИВЛЕВА**

**(Россия, Ленинградская обл., г. Никольское)**

Родилась в Ленинграде. По образованию психолог. Прозаик, литературный редактор. Автор и соавтор нескольких сборников. Публиковалась в журналах «Юность», «Москва», «Российский колокол» и др. Дипломант Международного литературного конкурса Мгинские мосты» (2022, 2023, 2024), лауреат конкурса исторических рассказов журнала «Москва» (2024), финалист конкурса «Яблочный спас» (2024), лауреат Международной литературной премии «ДИАС-2024».

### **ДВЕ КАПУЧИНЫ**

В автобусе единственное свободное место было возле бабули с лицом, похожим на запечённую картошку в мундире. Бордовый её берет сверкал люрексом и стекляшками на солнышке. Я примостилась рядом, совсем с краю. Ноги её были широко расставлены под юбкой в шотландскую клетку, а палку, о которую опиралась сухая рука, бабка разместила там, где должны быть ноги соседа.

Но я втиснулась. Пахнуло старостью, так пахнут забытые вещи с чердака заброшенного дома. Бабуля улыбнулась белёсыми дёснами. А глаза, словно девичьи. Ясные, с брызгами синевы кобальтовой краски на благородном сером. Тяжело вздохнула, осмотрела меня пристально и начала исповедь. Видать, поняла – слушатель я – то, что надо:

– На заре тут глаза открыла, а сердце молчит, затихло, и всё тут. А небеса-то не сообщают, две капучины вам в телефон, когда придут за нами. Правнучка-то ходит, и носом не ведёт, что я отхожу...

– Так вы же в автобусе едете... – подумала, что бабка выжила из ума.

– Энто сейчас я в автобусе, а с утра ангелы за мной приходили. Думаю, пора собираться. Намылась я. Стою посередь ванной, а оно как кролик-то задрожало, затрепыхалось. Только легла, ручки сложила, ага, опять сердце стоит. А я думаю, хорошо энто, что чистая перед Богом предстану, хвойным мылом так между лях-то натёрла. На всякий... – бабка подмигнула, рядом сидящие хмыкнули.

– Дальше что?

– А что, злость взяла такая, я внучке, Дашке-то, кричу, тыщу давеча тебе на новый давлеметр дала, с моей рабоче-крестьянской пенсии, померьте давлению. Умирать буду, хочу знать цифру напоследок. Вдруг там и об этом спросят. В ответ тишина. Как в том фильме, только мёртвые

с косами стоят. Так разозлилась не на шутку, передумала умирать. Не хочу жить с роднёй боле. Вот еду с застройщиками ругаться. Какого ляда ключи мне выдали от квартиры, а потом решили еще два этажа нарастить.

Я улыбалась. Бабка потянула меня за рукав. С любопытством ребёнка заглянула в глаза.

– Не будь как я, спускайся иногда на землю. Как там у Зиночки было...

*Небеса унылы и низки,  
Но я знаю – дух мой высок.  
Мы с тобой так странно близки,  
И каждый из нас одинок.*

– Какая вы невероятная. Я как раз хочу, как вы. Вы так преобразились, когда стихи читали. На учительницу стали похожи.

– Точно, – глаза её распахнулись от удивления. – Было время, Степанида Никитична величали. А пришла война, и не стало Степаниды Никитичны. Стешке выдали лопату и отправили траншеи рыть. Две капучины ему в рот, тому Гитлеру. Вот стояла на остановке, час с лихуем автобус дожидалась и думала: поуходили все водителя с рейса. От войны сбежали за бугры. А мы встали тогда плечо к плечу, и на торфяники. В Щеглово. Паёк двести хлеба и вода болотного цвета. Несло нас, а удобства – лесок за бараками. Однажды так устала, сознание потеряла – в окопчик плюхнулась, и торфом-то присыпало. Бомбёжка как раз в тот момент и началась. Очнулась, лодыжку пекёт, кровища хлещет. Осколочным задело. Совсем и не больно. Пришла к своим. Рыдают. О, чегой это, разнюнились, я им-то. Думали, мол, убило меня и миной по ветру разбросало. Повидала. А потом блокаду прорывали в составе лыжного батальона. Ранение, это я тех пор с палочкой-то. И на ЗИЛе случилось по Ладожскому льду водителем. Но во все времена миром правит любовь. Влюбилась, везла его с Большой земли на побывку. После и не свиделись, погиб при взятии Берлина. Но мы, ленинградцы, всем смертям назло каждое утро просыпались ради победы! Мои-то все полегли в землю на Пискаревке, рядышком. Осталась одна я. Не-ет, потом после войны вышла замуж. За что боженьку прогневила не знаю, единственного сына с Афганистана в железном гробу получила. Муж сразу помер. А я сдаваться не привыкла, две капучины в рыло этой проклятой войне. Двоих детишек из детского дома пригрела. Водителем на скорой работала, но спина и ноги напоминали всё чаще о войне. Вернулась в школу, институт закончила. До пенсии учительствовала. Эх... Будет, политинформацию провела. Вот к ста годам выдало мне дорогое правительство квартиру. Первый этаж взяла, никаких лифтов не хочу. Страсть как ломаются. Решила обождать помирать, надо в права вступить, пусть детям память останется. Вид на Неву, выходишь с парадной-то – и река. Вот там на берегу схоронили бы меня.

Задумалась Степанида, отвернувшись к окну. Потом встрепелась, будто что-то вспомнила и спросила:

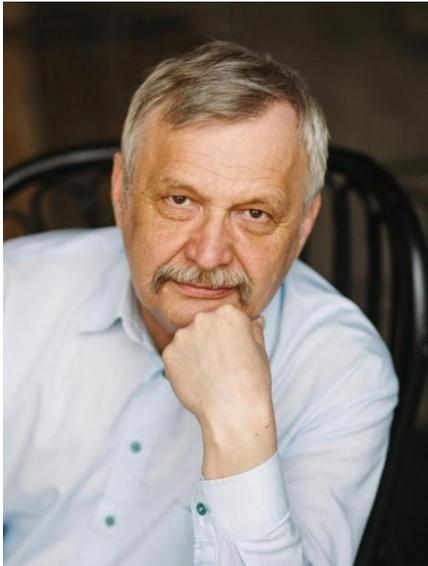
– А ты стихи не пишешь? Взгляд у тебя водоплавающий, нездешний.

– Как-как? – я рассмеялась.

– Рассказы пишу, какая же вы проницательная.

– Так сто лет проживи, будешь как рентген людей видеть. О, моя остановка, напиши обо мне тогда, останусь в вечности. Как там у Стругацких... «Человек, который любит достаточно, никогда никуда не уходит», – она проворно вылезла в проход, размахивая палкой как флагом, слезла со ступенек автобуса и помахала мне. Улыбчивая Стеша. «Две капучины по телефону» – если тошно на душе, читаю как мантру.





## АНАТОЛИЙ КУЛИКОВ

(Россия, Самарская обл. г. Тольятти)

Родился в 1954 году в Заполярье. Окончил Самарский госуниверситет. Историк, социолог. Редактор ряда газет и радио. Член Союза писателей России. Издал два сборника рассказов («Живём», «Ещё живём») и один стихотворений («Я успеваю жить»). Лауреат Международной литературной премии «ДИАС-2024».

### КОРНИ

Пригородный автобус, переваливаясь, как утка, медленно тащился по разбитой колее. Моросил мелкий дождик. Антон Иванович сидел у окна и думал, что дачу, скорее всего, придётся продать. Сын как-то не увлёкся загородной жизнью, а ему уже тяжело содержать покосившийся домик да посаженные растения. Вот сейчас приберётся последний раз, а по весне надо будет объявление давать.

Пройдя за ограду, Антон Иванович сразу же увидел полуоткрытое окно, а под ним чурбак, на котором он рубил хворост. Открыв замок, он прошёл в комнату. На кровати, завернувшись в ватное стёганое одеяло, спал парнишка лет десяти-двенадцати. Скрипнула половица. Мальчишка открыл глаза и вскочил.

– Я ничего не брал. Только яблоки в саду и хлеба немного из пакета.

– Вот так гость! Не брал и ладно. Я сейчас поставлю чайник, а ты сходи к бочке во дворе, умойся и будем пить чай с пряниками. Пряники любишь?

Увидев, как парнишка уплетает за столом один пряник за другим, Антон Иванович всплеснул руками:

– Да ты голодный! А я-то, старый дурак, со своими пряниками. На вот курицу и хлеба, хлеба бери. Ну, рассказывай. Я знаю, осенью на дачах кошек, собак оставляют, но чтоб ребёнка... Или ты потерялся?

– Нет, я сам убежал.

– Что, родители обидели?

– Нет у меня родителей. Я из интерната. Там, на Горького.

Наевшись, мальчик блаженно потягивал чай из кружки.

– А чего бегаешь?

– Если честно, мне там не очень нравится. Те ребята, к кому родители приходят, задаются. Нас подкидышами дразнят. Телефонами сотовыми хвастают

– А звать тебя как?

– Паша... Павел Николаевич Зотов, двенадцать лет, не судим пока.

– Почему «пока?»

– Так у нас одна дорога. У половины ребят отец сидит, а то и мать. А у Кольки Котова и дед сидел. Он говорит: «Я потомственный». И мы такие будем. Яблоко от яблони...

– Чушь!

– А что, может, усыновите?

– Стар я для усыновления, Пашенька.

– Вот то-то.

– Знаешь, что я придумал. Мне надо дачу к зиме обустроить. Работы много, а у меня нога чего-то разболелась. Будешь мне помогать, за два дня управимся. Харчей нам обоим хватит. А в воскресенье я отведу тебя в интернат и подарю тебе сотовый телефон, не новый, конечно. Будешь мне звонить, когда в следующий раз бежать надумаешь. Идёт?

Пашка оказался умелым и старательным помощником. К вечеру, усталые, они, поужинав, легли спать.

– Дед, не спишь? – помолчав, спросил Паша.

– Нет. Я в последнее время с трудом засыпаю.

– Там в шкафу висит фуражка военная. Ты воевал?

– Фуражка сына. А в войну я таким же, как ты, пацаном был.

Но повоевать пришлось. Час или два.

– Эх, была бы война! Я бы туда сбёг. А то одни конфликты...

– Спи, аника-воин. Завтра дел много.

Домой Антон Иванович вернулся вечером. Квартира гулко встретила его одиночеством. Поужинав, он набрал номер сына. «Я дома. На даче всё сделал. Ты мне нужен. Завтра буду».

\* \* \*

Где-то за рощей глухо разносились взрывы снарядов. Фронт подходил вплотную. На взгорке за селом разворачивалась батарея сорокопятак. Схватив краюху хлеба, Антоха выбежал на улицу.

– Куда ты, пострел, а ну, домой, – крикнула мать.

– Я нашим помочь. Может, что о бате узнаю.

Мать ещё что-то кричала ему вслед, но Антон уже не слышал.

На батарее солдаты копали окопы, расставляли ящики со снарядами. В кустах дымилась полевая кухня. Антон дважды обошёл позиции в поисках, кому бы помочь.

– Эй, малец, а ну, подойди сюда. Ты чего тут крутишься? – окликнул его молоденький сержант.

– Я помогать пришёл.

Подошедшие солдаты засмеялись:

– Молоко ещё на губах не обсохло.

– А сам-то давно за партой сидел?

Сержант засмеялся:

– Я, брат, с прошлого месяца папаша. Сын у меня родился. Костя. Константин Павлович Зотов. Так что прошу, малец, обращаться ко мне на вы. А чем помогать собрался?

– Снаряды подносить могу, как мальчиш-кибальчиш.

Эти слова вызвали новый взрыв смеха.

– Да ты знаешь, сколько снаряд весит? У тебя пупок развяжется. Иди-ка лучше домой и залезай в погреб. Скоро начнётся.

И тут Антона осенило. Со всех ног он бросился к другу Мишке. У него во дворе валялась маленькая тележка. В ней они на верёвочке возили друг друга по селу, изображая танк. Тётя Аня не только тележку дала, но и вынесла бидон молока для солдат.

– Кому молока? – едва добежав до позиции, закричал Антоха.

Пока солдаты передавали по кругу бидон, он деловито подошёл к снарядному ящику, положил в тележку снаряд и покатил к орудию.

– А малец-то толковый. Отец где, воюет?

– Воюет.

– А где?

– Не знаю, не писал ещё.

Выпив молоко, артиллеристы закурили.

– Вот подобью танк, – прищурил правый глаз от дыма Паша Зотов, – за танк сразу медаль «За отвагу» дают. Привезу я эту медаль сыну. Пусть играет вместо игрушек. Пусть с пелёнок знает, где был его батя, когда он родился.

Внизу от роши слышался звук моторов.

– Танки. Михалыч – за снарядом, Петро – замок. Пацан – в окоп и ни гу-гу!

С третьего выстрела орудие Зотова подбило танк. Но тут рядом разорвался снаряд. Михалыч охнул и отполз в сторону. В порыве какого-то азарта, раздирая рот в крике, Антон выскочил из окопа, кинул снаряд в тележку и покатил к орудию.

– Ты откуда? А, ладно, давай, давай. Они скоро попятятся.

Антон раз пять сбегал за снарядами. Глянул вдаль. Внизу горело четыре танка. Два танка пятились к роше.

– Ну, малец, – закуривая сказал Зотов, медаль на двоих делить будем. Ты как, не против? Как там Михалыч? Живой? Ну и ладненько. Петро, перевяжи его. Думаю, сегодня они больше не сунутся. Главное, чтоб «Юнкеры» не налетели.

Самолёты прилетели через полчаса. Сидя в окопе, Антон чувствовал, как ухает и подпрыгивает земля. И этот страшный, противный вой. В короткой паузе между разрывами он увидел свою тележку. «Разобьют». Выскочив из окопа, он рванул к ней. «Куда, дурак!» Он не добежал, не успел. Его догнали, повалили, подмяли под себя. А потом свист, толчок и тишина, только сверху на щеку что-то закапало. Антон осторожно вылез из-под тела. Паша Зотов лежал с открытыми глазами, и из раны в виске у него текла вниз тонкая струйка крови. И Антон заплакал. Размазывая слёзы и пашину кровь по лицу Антон, бездумно ходил вокруг тела и даже не сразу заметил, что многие дома в селе горят. Горел и его дом.

\* \* \*

Антон Иванович очнулся. Утро. Спал ли он?

На рынке, как всегда, было шумно и грязно. Найдя лавку, где продавали старые значки и монеты, он стал перебирать товар.

– Медали, ордена есть?

– Что, папаша, своих не заработал, решил прикупить?

– Нужна медаль «За отвагу», плачу сразу.

Продавец, усатый мужичок неопределённого возраста, забегал глазами по сторонам.

– Двадцать штук.

– Идёт.

– Погуляй минут двадцать по рынку. Потом подходи.

Секретарь военкома Машенька Юдина лихо била по клавишам компьютера.

– Здравствуйте, Антон Иванович, Игорь Антонович один, проходите.

Через пять минут она услышала крики из кабинета. «Ты представляешь, что ты предлагаешь?! Отец, ты с ума сошёл. У тебя маразм. Ты же меня на преступление толкаешь!» Глуховатый басок отвечал спокойно и уверенно.

В два часа в интернате объявили торжественную линейку. Воспитанников построили по группам в актовом зале. Рядом с директором стоял хмурый полковник и Антон Иванович. Дождавшись тишины, он вышел вперёд.

– Ребята, сегодня у меня замечательный день, и я хочу, чтобы вы это знали. В годы войны я был таким же мальчишкой. Когда фронт подошёл к нашему селу, я подружился с одним сержантом, командиром орудия. Его орудие подбило два танка, а он погиб, закрыв меня своим телом. Я долго

искал его родственников. Узнал, что он посмертно награждён медалью. И я нашёл. Его сын, Константин, прожил достойную жизнь. Его внук, Николай, погиб при выполнении особого задания Родины. А его правнук находится среди вас.

Вперёд вышел полковник.

– За мужество и героизм, проявленный в боях с немецко-фашистскими захватчиками медалью «За отвагу» награждается сержант Павел Иванович Зотов. Посмертно. Медаль вручается правнуку Павла Ивановича. Паша, подойди сюда.

Когда Пашка дрожащими руками взял красную коробочку с медалью, Антон Иванович положил свою руку на плечо мальчика.

– Вот и отыскались твои корни, Паша. И расти ты от этого корня дальше стройно и крепко.

\* \* \*

– Алло, дед, это я, Пашка. Мне воспитатель сказал, что если я четверть отучусь без троек, то меня в суворовское училище направят. Ты как, дед, одобряешь?



# ЛАУРЕАТЫ ЛИТЕРАТУРНОЙ ПРЕМИИ «ДИАС-2024», НОМИНАЦИЯ «ИМЯ»



**АЛЕКСАНДР ГУЛЯЕВ**

**(Россия, г. Тула)**

Гуляев Александр Александрович родился в 1981 г. в посёлке Нововязники Владимирской области. Окончил Нижегородскую медицинскую академию. Врач-остеопат, заведующий кафедрой, доктор наук, доктор философии. Поэт, прозаик, бард. Член Союза детских и юношеских писателей. Член Союза деятелей культуры и искусства. Стихи и рассказы опубликованы более чем в 50 сборниках различных издательств, литературных альманахах, журналах. Победитель ряда российских и международных литературных конкурсов и фестивалей. Лауреат Международной литературной премии «ДИАС-2024».

## **ТАНЬКА**

Я открыл глаза. Жутко болела голова. Собственно, в самом этом факте для меня не было какой-то уж новизны. Голова у меня болела и до этого. Может, если бы она бесконечно не болела, я бы и не начал заниматься обследованием, а давно бы, что называется, отбросил коньки прямо на рабочем месте. Но не факт, конечно.

Нет, на самом деле я совсем не из тех, кто помешан на собственном здоровье. Скорее даже наоборот. Работаю часов по четырнадцать в сутки, ем всякую дрянь. Периодически выпиваю, чтобы расслабиться. Остаётся немного времени на сон. И на хобби. Говорят, что оно, возможно, меня сюда и привело.

Просто когда-то (не так давно) я не мыслил свою жизнь без татами. Знаете, там всё по-другому. Вообще всё. Даже время, даже боль. Я редко скучаю о чём-то или о ком-то, а вот об этом скучаю. Неправильно это как-то, когда хобби вдруг поселяет внутри тебя червоточину, а любимая же работа превращает её в чёрную дыру. И ты, такой весь молодой, крутой и перспективный, оказываешься на операционном столе. Понимая, что

ни к хобби, ни к работе ты уже, скорее всего, не вернёшься. Не сможешь вернуться. Вне зависимости от исхода операции.

А, ну да. Голова болела сильнее, чем обычно. Впрочем, чему удивляться, если где-то там лишь несколько часов (минут?.. дней?..) назад ковырялись айболиты, чтобы вернуть мне прежнего меня хотя бы частично. Я скосил глаза влево. На соседней койке лежала девчонка. Других коек в палате не было.

Признаться, я поначалу, что называется, просто офигел. Тем более, что девчонка была до пояса прикрыта простынкой, а сверху... Ну, вы понимаете. Короче, она была фактически голая. Как и я, кстати, дошло до меня несколько мгновений. Потом пришло осознание. Чёрт, это же всего-навсего отделение реанимации. Пожалуй, единственное отделение, где женщины и мужчины порой лежат в одной палате. Специфика, знаете ли. Но мне, честно говоря, плевать. Здесь спасают жизни. И только это имеет значение.

Хотя, мне, конечно, стало неудобно, и я отвёл глаза. И, видимо, инстинктивно ещё и повернул голову. Точнее, попытался повернуть.

– Привет, – сказала она. – Меня Таня зовут.

– Лёха, – проскрипел я пересохшим горлом.

И тут в голове что-то взорвалось. Я застонал, заглушая недостойный мужчины крик, и начал отрубаться. Но успел услышать, как Таня зовёт медсестру. А у неё красивый голос, певучий такой. И грудь, кстати, фантастическая. А потом я отрубился...

Что-то противно пикало, не давая досмотреть сон. Пришлось проснуться. Это далось мне гораздо легче, чем в прошлый раз. Пикала какая-то штуковина над головой, но, раз никто не подходил, значит, так и должно быть.

Я почувствовал чей-то взгляд. Танька.

– Лёш, ты как? – взволнованно прошептала она.

– В норме, – ответил я и попытался показать оттопыренный большой палец в качестве доказательства. И тут понял, что рука меня не слушается. Как и до операции. Верите – нет, я чуть не заревел от обиды. Сдержался, конечно, я же мужик. Только глаза чуть-чуть увлажнились.

– Лёш, а ты почему здесь?

Странно, но вопрос, который взбесил бы меня в десяти случаях из десяти, почему-то не вызвал раздражения. Может быть, всё дело в её глазах?

Боже, какие это были глаза! Вы не помните своих ощущений, когда в детстве научились кататься на двухколёсном велосипеде? Нет? Я почему-то помню. Кажется, что ты всегда был в седле и хочется ехать, ехать, ехать и никогда-никогда не останавливаться, пока не объедешь весь мир. Так и Танькины глаза. Хотелось смотреть в них всегда. Потому что они и были целым миром.

– Травма, – сказал я. – Каратист. А ты?

– Да ерунда. – И она беззаботно махнула рукой. – Женские дела. Не сегодня-завтра переведут в палату. А там и домой скоро.

И мне стало ещё обиднее.

Кажется, она уловила настроение и, не дождавшись никакой реплики с моей стороны, легко увела разговор в сторону.

– А я стихи пишу, кстати. Давай прочитаю?

И, опять-таки не дождавшись моего ответа, начала декламировать. А я, несмотря на глухое раздражение, прислушался. Сначала из-за голоса. Потом из-за содержания. Классные, кстати, стихи. Не «розы-слёзы» там всякие. Стихи, даже не знаю, о жизни, что ли. Столько её было, в этих строчках, жизни. Удивительно светлые. Настоящие. Я бы даже не поверил, что она сама написала, я вообще людям не особо доверяю. Но, если бы вы видели Таньку, вы бы не смогли не поверить. Вот и я поверил.

Ночью мне приснилось, что мне отрезали руку. Я орал и звал медсестру, доктора, требовал главного врача, до смерти перепугав Таньку, пока мне не вкололи что-то успокаивающее. Руку я по-прежнему не чувствовал...

– Лёша, ты проснулся?

И так мне стало не по себе от её беззаботного чириканья, что я всё-таки не выдержал и заревел. Блин, лет ...дцать не ревел, а тут...

– Лёшечка, миленький, ты что?

– Почему у нас не разрешают эвтаназию? – ответил я вопросом на вопрос, прерываясь на всхлипы.

– Идиот! Сейчас же замолчи, придурок несчастный! Никогда! Слышишь? Никогда не смей так говорить.

И столько энергии было в этом голосе, что я не только замолчал, но и перестал плакать.

– Тань... Расскажи что-нибудь...

Я не знаю, сколько дней это продолжалось. С успокоительными счёт времени теряешь. Периодически я снова скатывался в истерики. И всегда рядом была Танька. Маленькая добрая умная Танька, умевшая находить нужные слова. И стихи её. Я называл её Танька-таблетка, а она смеялась.

Однажды я проснулся, а на Танькиной кровати лежал какой-то дед, подключённый к аппарату искусственного дыхания. Видимо, её перевели в палату, пока я спал. Чёрт, мы не попрощались. Но я пообещал себе обязательно её разыскать, как только меня отсюда заберут. Слово «если» благодаря моей волшебной «таблетке» я уже не рассматривал.

Только потом я узнаю, что Таня умерла. У неё был рак. Рак четвёртой стадии. И она знала, что ей оставались считанные часы. Знала и ни словом не обмолвилась, ни разу не показала, как плохо ей.

Умирая, она учила меня жить...



## **ФАРИТ ИШМУРАТОВ**

**(Россия, Республика Башкортостан, г. Уфа)**

Родился в 1952 году в г. Стерлитамак, Башкортостан. Живёт в Уфе. Окончил физический факультет Башкирского государственного университета. Работал в различных НИИ и КБ. Автор книги «Затонские хроники» (Уфа, 2020). Рассказы публиковались в журнале «Бельские просторы», в антологии современной прозы «Уфимский хронотоп» (2018, 2019, 2021). Лауреат журнала «Бельские просторы» (2015),

фестиваля «Интеллигентный сезон» (2021), Международной литературной премии «ДИАС-2024».

## **АНВАР АБЫЙ**

Написать этот рассказ меня побудило движение «Бессмертный полк». Я тогда подумал: а с чьим портретом из моих близких родственников я бы пошёл на демонстрацию. Оказалось, в то время все наши мужчины были либо непризывного возраста, либо «отдыхали» в лагерях. И всё-таки...

Моего деда со стороны отца репрессировали в 1938 году, а деда со стороны мамы арестовали вместе со старшим сыном, маминым братом, в тридцать девятом. Как я теперь понимаю – была война на носу, срочно нужно было строить оборонные предприятия. Рабочей силы не хватало – вот и шли по райкомам заявки на потенциальных зеков, а оттуда рассылались разнарядки по колхозам (обычная практика ещё со времён строительства египетских пирамид!). Вот так мои деды и дядя, Анвар абый, стали «врагами народа». Вся вина их, правда, заключалась в том, что они были физически крепкими мужиками.

В 1938 году в Уфе начали строить авиамоторное предприятие, сюда и попали мои родственники из глухой деревушки Ишеево Ишимбайского района. Оба деда здесь и скончались, могил их нет, так же как нет и могил других таких же строителей нынешнего УМПО. Моего дядю ждала та же участь – он уже был «доходягой» и просто умирал, лёжа в бараке. Но тут подоспела война, а дяде как раз исполнилось семнадцать, его и отправили на фронт – всё равно же, где помирать. Попал он в артиллерию – как раз для него, ведь он в лагере научился только копать землю и катать тачку. На войне Анвар абый поправился, прошел её всю – от Москвы до Берлина, был дважды серьёзно ранен (лёгких ранений он не считал) и вернулся домой с орденом Красной Звезды и четырьмя медалями.

О войне и лагере Анвар абый никогда не рассказывал. Не раз я пытался разговорить его о войне, но он либо угрюмо молчал, если был трезвый, либо, придя в хорошее настроение, что-то невнятно бормотал и «пытал» меня про «атомный бом».

- Вот ты учёный. Вот атом бом даю 20 килотун – что будет?
- Пиво холодное будет или Хиросима и Нагасаки, – говорю я.
- Э-э-э, ничего ты не знаешь!

Убедившись, что я вовсе не учёный, довольный дядя продолжал работать ложкой, не забывая сражаться с полулитровкой. Аппетит у него был всегда отменный. Лишь однажды состоялся примерно следующий диалог:

- Анвар абый, ну расскажи, как там было на войне?

Вначале шли непонятные ругательства на русско-татарском, потом он выдал:

- День копай, два день таскай.
- А чего таскай-то?
- Всё таскай – лошадь не давай.
- А в атаку ты ходил?
- Атак тоже таскай.
- А в атаку-то чего таскай?
- Всё таскай – винтовка таскай, гранат таскай, пулемёт таскай.
- Ура-то кричали?
- Ура кричи, быстро таскай.
- А смерти ты боялся?

Опять шли долгие и непонятные ругательства и, наконец:

- Мине смерть не люби.

После этих слов Анвар абый насупился и дальше пил молча.

Второй раз Анвар абый рассказал о войне при следующих обстоятельствах. Начиная с 1965 года, на круглые даты ветеранам Великой Отечественной войны стали вручать памятные юбилейные медали. Эти мероприятия проводились в торжественной обстановке: на сцене военком вручал награды, в зале хлопали в ладошки школьники, студенты и учащиеся ПТУ, потом был концерт, а затем накрывался праздничный стол, за которым «фронтовые 100 грамм» лились рекою. Как-то во время вручения награды ветеранов попросили выступить с небольшим, не более десяти минут, рассказом о войне. Анвар абый был уже в приподнятом настроении, а потому особенно красноречив. Получив памятную медаль и подойдя к микрофону, он закатил следующий монолог:

- Берлин ходил. – Помолчал и добавил, многозначительно подняв палец
- Пешкум!

Затем, чувствуя, что все ждут от него продолжения, увеличил свой рассказ вдвое:

– Дамуй – паравуз блян! – и ушёл со сцены под бурные аплодисменты уже уставшей публики. («паравуз блян» по-татарски – «поездом»).

На рубеже 80-х годов началась очередная компания по реабилитации пострадавших от сталинских репрессий. Райса апа, моя младшая тётушка, живущая в Стерлитамаке, дай Бог ей доброго здоровья, сумела добиться реабилитации моего деда по материнской линии, а затем почти насильно отправила в Уфу своего старшего брата.

Анвар абый явился в Уфу к нам с мамой при полном параде, в новом пиджаке, увешанном медалями и с орденом. Утром он поехал в комиссию по реабилитации, а вечером вернулся в очень хорошем настроении. Так продолжалось несколько дней. Оказалось, что он ехал только до ближайшего гастронома, дожидаясь 11-ти часов (время начала продажи спиртного в застойные годы) и далее «по прейскуранту».

Позвонила Райса апа, попросила меня отвести дядю в комиссию, что я и сделал не без труда – Анвар абый всё норовил свернуть в первый попавшийся гастроном. А был он тогда ещё весьма крепок, и удержать его было не так-то легко даже мне – разряднику по борьбе самбо.

В комиссии встретили вежливо, записали все данные и попросили заглянуть недельки через две. Через две недели я один поехал в комиссию, у дяди уже окончился отпуск. В комиссии мне вручили акт о посмертной реабилитации Нигматуллина Анвара Заки улы, скончавшегося в октябре 1941-го. Я слегка опешил: «Как такое возможно? – говорю. – Ведь мы с ним были здесь две недели назад, и вы сами его видели живым и здоровым!». Чиновник показал лагерный журнал учёта, где в строке с данными Анвар абия стояла пометка «выбыл такого-то», и справка от врача о том, что он скончался от дизентерии. Затем чиновник пояснил, как такое вообще могло случиться: просто местному военкому нужно было выполнять план по призыву в ряды Советской армии, вот он и договорился с лагерным начальством. А те, в свою очередь, оформляли «доходяг» как умерших, подлечивали их в госпитале и затем отправляли «покойников» в военкомат. В военкомате им вручали военный билет и определяли на фронт.

Мне кажется, я понял, почему смерть «не любя» Анвар абия. Быть может, она просто не замечала «покойника» и потому проходила мимо?!



## **ИЛЬЯ ТАРАНОВ**

**(Россия, Ульяновская обл., с. Арское)**

Родился в 1959 г. в Ульяновске, окончил УлГТУ. Член Союза писателей России. Работал инженером, плотником-бетонщиком, руководителем компании, заместителем председателя УРО СПР, исп. директором Ульяновского Фонда поддержки детского чтения, в 2018–2020 гг. – председатель УРО СПР. Автор 12 книг: сборников стихотворений и рассказов «Белая птица», «Я пришёл наблюдать за снегом», исторической повести «Как Стенька Разин по Волге ходил», романа «Стена» и т.д. Печатался в журналах «Симбирскъ», «Берега», «Волга. XXI век», «Сызранская излучина» и др. Финалист II Международного литературного конкурса «Огни золотые» (2020), победитель Международного литературного конкурса «Будь Человеком» (2020), гран-при «Книга года» «Симбирская книга-2023», лауреат III Международного литературного конкурса им. А. Н. Плещеева (2023), лауреат Международной литературной премии «ДИАС-2024».

## **ВАНЕЧКА**

Сейчас бы мою улицу назвали Тополиной, а тогда, ещё пустынную, необжитую, назвали Автозаводской. Много ли живут деревья? По-разному. На этой улице сотни три тополей. Они, все до единого, молчаливые бессребреники, вслушиваются денно и ночью в гигантский мир, в его постук и взвесь, в его перегорающую суету.

Деревья начали сажать в конце войны – весной сорок пятого. Сажали с тем энтузиазмом, с той благочестивой надеждой, что присуща лишь народу, едино устремлённому к миру и любви. Народу-победителю!

Пленные немцы строили двух-трёхэтажные дома с четырёхскатными крышами, украшая фасады административных зданий строгими колоннами, карнизами и каменными парапетами. А жилые домики – балкончиками с ажурными перилами. Худородное пацанье выменивало у этих побитых фрицев картошку на перочинные ножи, наградные кресты и зажигалки. А хлеба-то и самим не хватало: давали по карточкам.

День ото дня раскаты войны уносились в багровую зарю. А тополя росли, прямили улицу провинциального города, на которую выюркивали тархтя трёхтонные ЗИСы, гружённые свежей сосновой доской. Военные шофёры с начищенными медалями и орденами, дерзновенные и весёлые, возили стройматериалы в новый растущий посёлок. Он нужен был

строящемуся автозаводу, с конвейера которого вскоре начнут сходить знаменитые УАЗы, ульяновские неприхотливые автомобили-вездеходы.

Тополя тянули в лазурь молодые ветви. Пытались заглянуть вдаль, разглядеть Волгу, её быстрое течение, по которому сплавляли лес от берегов Камы до Сталинграда. Плоты спешили разбитой вереницей к разрушенному городу-герою. И тополя на моей улице торопились вырасти. Будто знали – скоро построят Куйбышевскую плотину, и Волга раздвинет берега, зальёт поймы, спрячет под собой ерики и острова, рыбацкие станы и деревеньки. Отразит в своём плавном просторе вселенский купол небес.

Под этими небесами рос наособицу большой раскидистый тополь. Он стоял не на главной улице, как все, а во дворе. Он помнил всё, что происходило вокруг, как, впрочем, и другие деревья на планете. Но я многое знаю из того, что было в его тополиной памяти. Его жёсткие округлые листья, просквожённые весной и летом солнечными лучами-волоконками, будто гигантский мозг, насыщались мировым звучанием. Подчиняясь тайным законам мироздания, они очищали природу: воздух и дух человеческий, землю и воду, мирозвучье и помыслы. Очищали от копоти повседневной суеты. От душевного остуда. Мы живём вместе с деревьями в общем мире, но они имеют больше права на жизнь, потому что первыми заселили планету. Если мы не понимаем их молчания, значит, мы не совершенны.

Этот тополь можно было назвать патриархом, хотя он был не стар для тополиного века. Что я знаю из его памяти? Его посадили в мае сорок пятого. Красивая русская женщина заметила крепкий саженец, припала грудью, прижалась вымоченной слезами щекой:

– Будет память о моём Ванечке. Поить буду моего милого водичкой. Рассказывать ему обо всём. Пусть только слушает меня. Пусть живёт здесь мой Ванечка.

И рос, рос Ванечка-тополь. Рядом со скамейкой, такой же, на которой до войны тёплыми летними ночами обнимался парень со своей любимой. И знал каждый вздох, каждое слово, каждый поцелуй... Помнил каждым листочком, каждой веточкой. Помнил, потому что красивая женщина подолгу сидела рядом с ним на скамейке, и они разговаривали безмолвно обо всём. Чаще о нём, о Ванечке, реже о ней, о её нелёгкой жизни. Так и жили – дерево и человек, благодарные друг другу за понимание, за теплоту, за любовь. А что ещё нужно одинокой душе?! И целый мир вокруг жил. Могучий тополь всех понимал, всех выслушивал и шумел-шумел крепкой листвой. Иногда христарадничал: просил людей лишь об одном – о сострадании.

Хотя двор, где рос тополь, и невелик, да жизни хватает. За полвека-то повидалось много. Он, Ванечка, теперь возвышался над новыми крышами, над антеннами и трубами. Над фонарными столбами. Над миром. Луна путалась в его ветвях, круглая и бледная. Но Ванечка долго её не держал. Отпускал к звёздам. Луна взблескивала и серебрила его крону, жалуясь на одиночество: «Звёзды мне не пара...» Тополь шептал тёмной листвой в ответ: «Эх, вековуха, вековуха...»

Однажды двор наполнился молчаливым людом, торжественным безмолвием, угрюмством. Красивую женщину вынесли в красном гробу, который поставили под тополем. Она не видела, как огромное дерево вздрогнуло разлапистым телом и застыло, сгорбленное и обвисшее. Она не почувствовала мягкого тополиного пуха, безмолвно наполняющего её новую обитель. Ванечка прощался с любимой и не мог попрощаться. Застывший, он глядел в небо на юрких стрижей, не понимая их беззаботности, их радостных, живых движений. Лишь когда ночная наволочь скрыла созвездья, тополь вздохнул-охнул и зашумел, застонал, отдавая миру всю накопленную боль.

Осенью, иззябший, он ронял в утреннюю стужу позолоченные листья – плату за летнюю влагу и тепло. Уж мало кто помнил его историю. И помнил ли кто-то вообще? Улица обветшала, прежняя свежесть и молодость стаяли. Но тополь хранил в своей памяти и первую жизнь – жизнь Ванечки. Она проста, как и вторая. Родился в одна тысяча девятьсот двадцать первом в деревне на Волге, каких по всей России тысячи. Перед войной приехал в город. Работал на заводе. Женился на красавице-девушке. На городской. Живи-радуйся! Но в сорок первом страшной осенью ушёл на фронт в сапёрную роту. Воевал, как воевали все – за Родину, за Сталина, за Мать родную, за Любимую. Взрывал мосты, освобождал от вражеских мин станции и города, наводил понтоны. Дороги войны вели от Сталинграда через Украину до Румынии и Венгрии. Рек повидал немало: Днепр и Днестр, Тиссу и Серед. Но друзьям-однополчанам говаривал:

– Эх, на Волгу-матушку поскорее бы вернуться! Река-душа... Красотища... Мать божья.

Не пришлось. У судьбы свои дороги. Погиб перед самой Победой. Пришла похоронка, разорвала сердце, вычернила душу. За что, Господи?!

Не тянутся теперь тополя на моей улице к небесным берегам. Живут – стареют. Высокие дома смело расширили город. Упрятали горизонт. Новая техника тарахтит и мчит по тополиной улице. Жизнь и должна двигаться вперёд. Двигаться, сохраняя память, насыщаясь богатством прожитого. Богопристойного. Мудрого. Вечного. Что изначально вложено Творцом в живое существо. В человека. В дерево...

Сколько живут тополя? Говорят, сто лет. Целый век. Вот какая вторая жизнь должна была быть у Ванечки. Да не вышло. Весна ещё не развернулась, не разлила терпкое благоухание ожившей зелени. Ещё утренняя наледь удерживала холод зимы. Ещё хрупкие сосули пугали прохожих, а деревья уже готовились к весёлому многозвучью неба. И Ванечка оживал, вливался во всеобщий хор. Но однажды в него вклевчилась пила, взвыла натужно, вогнала железные зубья в самую сердцевину. Приговорил Ванечку не Вседержитель небесный, не пророк и не гений, признанные отечеством и миром, а эдакий битюг, советчик страждущих христовборников подзаборных: дворник, имя которого и упоминать не возьмусь.

– Не молод уж я, братишки, собирать листья да ветвя. От этого-то дурня грузовик мусора набирается. А пользы-то на грош, – сказал он. Коротко и ясно. А молодым мужичкам долго ли завалить дерево, если интерес горячий предлагается. Дружно взялись – взревела бензопила, вгрызлась в самое изножье. В глазах – ничтожная одержимость хлебом насущным. Сказано – сделано...

Надсадно заскрипел ствол, задрожал, вытянулись ветви, вскрикнул Ванечка и рухнул перед толпой зевак. Рухнул посреди двора. Посреди города. Посреди планеты. Раскинул ветви-руки, как Гарсия Лорка. Глянул в позолоченную лазурь. Христом дрогнул на незримом распятии. Ещё живой, трепетал ветвями, отдавая тепло земле. Поверженный, лежал три дня, ещё чувствуя жизнь, сохраняя память Ванечки, память войны, память Мира.

Затем его распилили на чурбаки. Рассыпалось пространство любви. Судьба? Дороги судьбы неведомы человеческому разуму. Они пересекаются где-то, сплетаются воедино. Разрывая чужую дорогу, слабнет весь скрут судеб, идущих с тобой рядом. Даже если это деревья. Да спасёт нас Господь от бессмыслицы! Пусть дороги судьбы прямятся тополями, прямятся добродетелью. Любовью.



# ЛАУРЕАТЫ ЛИТЕРАТУРНОЙ ПРЕМИИ «ДИАС-2024», НОМИНАЦИЯ «АБСОЛЮТ»



**ТАТЬЯНА ГОГОЛЕВИЧ**

**(Россия, Самарская обл., г. Тольятти)**

Гоголевич Татьяна Евгеньевна родилась 31 марта 1962 года в Ставрополе (ныне Тольятти). Окончила Куйбышевский медицинский институт и аспирантуру в РМАПО (Москва). Практикующий врач-психиатр, психотерапевт, кандидат медицинских наук. Член Союза писателей России, Союза российских писателей. Автор книги стихов «Алые яблони» (2004), книги прозы «Мой остров» (2009), книги путевых заметок «Средняя Азия. Взгляд против солнца» (2017), книги прозы «Тарханы» (2023). Публиковалась в периодических изданиях Тольятти (постоянный автор журнала «Город»), Самары, Екатеринбурга («Уральский следопыт»), Ташкента («Звезда Востока»), Москвы, Калининграда («Балтика»), Казани («Аргмак. Татарстан»). Писатель года журнала «Флорида» (США, 2009). Лауреат премии журнала «Юность» за 2012 год им. В. Катаева, лауреат Международного литературного Чеховского конкурса в номинации «Моя жизнь» за рассказ «Рождество» (2013). Лауреат Всероссийского поэтического конкурса «Сезон дождей» (Тольятти, 2023), Международного поэтического конкурса «Поэзия в белом халате» (Тольятти, 2024), Международной литературной премии «ДИАС-2024».

## **КРАСНЫЕ ЯБЛОКИ В ХОЛОДНЫХ САДАХ**

*...чужую, зябнущую душу  
Хочется баюкать на руках  
Владимир Мисюк*

Осенью, когда мир внезапно старел, на меня наваливалась тоска.

Вообще-то я не отношусь к людям, у которых легко меняется настроение, но в юности в чужом городе мне иногда хотелось плакать от душевной боли. Эту боль обычно вызывал ещё бесснежный жёсткий холод поздней осени или ранней зимы, когда сухими серыми складками

застывали дома в мертвеющем голом городе, и невозможно было представить, что в этих домах кто-то живёт.

Впрочем, «это» необязательно начиналось именно тогда, когда деревья сбрасывали листву. Дыхание холода могло прийти в тот город чуть ли не в августе. То ли это был северный ветер, то ли что-то ещё – но всегда нечто узнаваемое, сурово леденящее душу. Душа заболела от холода, как болят окоченевшие руки или ноги. Эту полуболь-полутоску я так и называла для себя словом «холод». Особенно остро он чувствовался ранними холодными утрами, в час, когда ещё не рассвело. Тоска провожала меня до анатомического корпуса и осталась в памяти в сочетании с запахом формалина. Обычно она рассеивалась к солнечному полудню, но бывали дни, когда – не проходила вообще.

И тогда светотень, из которой состоит жизнь, превращалась в общий бесцветный фон. Мир становился безжизненным или, в лучшем случае, каким-то отдалённым. Почва уходила у меня из-под ног, и я пыталась ухватиться за какую-нибудь мелочь, придавая ей особое значение.

Так, я довольно долго везде носила с собой маленький флакончик из-под духов, который нашла в своей тумбочке – он принадлежал какой-нибудь девушке, жившей в комнате студенческого общежития до меня и, скорее всего, уже закончившей институт. Флакончик был маленький, граммов на пять, стеклянный. Стеклянными буквами по стеклу было написано слово «Safe». На дне флакона оставалась почти невидимая капля жидкости. У неё был горьковатый золотистый запах. Я подносила флакон к лицу, и мне казалось, что неведомая жизнь сочится из него – тёплые комнаты, счастливые люди, живущие легко и свободно, клавиши и струны, рождающие нежные, властные звуки.

Ещё я много ездила. Это было старое испытанное средство, сознательно применяемое лет с пятнадцати. Подходил любой вид транспорта – поезд, теплоход, самолёт, автомобиль: лишь бы покачивало и за окном менялся пейзаж. Разумеется, среди учебной недели не сядешь в самолёт, но, как уже сказано, меня устраивали и автобусы. Собственно, корпуса мединститута были разбросаны по всему областному городу, но мне не всегда хватало обычной дороги. Иногда, если позволяло время, я каталась часами.

Поездки заменяли мне дорогу домой, беседу с другом и, может быть, что-то ещё более тёплое и важное. Пожалуй, то, что скользило за окном, не всегда меня интересовало – порой хватало покачивания и людского тепла. Бывало, что я специально забиралась в переполненные автобусы и грелась. Главное – это ни к чему не обязывало. Я никогда ни с кем не заговаривала и не отвечала ни на чьи вопросы. Если мне говорили что-нибудь хорошее, я и тогда предпочитала отвечать взглядом.

Мне нужно было быть в форме, в хорошей форме – и в институте, и на практике, и в общежитии. И, кажется, мне это удавалось. Но мне

не нужно было держать марку в автобусах. Мне там просто ничего не нужно было делать.

Особенно нелегко мне давалась моя двадцать первая осень – в городе, который уже был знаком насквозь. Было больно не только от холода, но и, может быть, от стремительности, с которой сгорали листва и вечера. Существовали и ещё причины.

...Дорога между Самарой и Новокуйбышевском скучна – и та, которая идёт через Кряж, и другая. Они обе долго тянутся мимо безотраднотыльных сооружений, сменяющихся ещё более нерадостными пустырями. Автобус едет из конца в конец не меньше часу. Сам автобус пылен летом и замызган в любое другое время года. (А если говорить точнее, то автобусы эти большей частью и пыльны, и замызганы одновременно). Кроме того, они, эти автобусы, дребезжат и всегда набиты битком. Но именно этим рейсом я время от времени ездила в ту осень – в основном, без определённой цели. Просто так – от конечной до конечной, взад-вперёд.

То есть, случалось, какая-то цель у меня была. Например, вдоль обеих этих дорог располагалось несколько адресов, где жили мои знакомые. Можно было выйти из автобуса в каком-нибудь из этих мест. Но когда приближалась нужная остановка, сама мысль о том, что необходимо выходить из автобуса (и даже просто переставлять ноги по направлению к двери), была неприятна.

Может быть, весной или летом описываемые дороги и бывали хороши, но в это время мне не приходилось их видеть, а осенью они выглядели неприветливо.

Однако на одной из дорог (на которой именно, не помню) небольшим оазисом лежали сады. Кажется, это был дачный посёлок, очень старый, частью уже заброшенный – покосившиеся деревянные домики, сгорбленные яблони и древние чёрные вишни. Да, это был дачный посёлок, потому что на крышах маленьких домов не было труб: я хорошо это запомнила. Автобус шёл вначале вдоль дач, а потом дорога заходила в сады – остановки две-три.

Я не сразу разглядела дачные сады сквозь пыльные зыбкие окна автобуса. Скорее всего, я несколько раз проезжала мимо них. Тусклый рыжеватый свет опадающей и опавшей листвы был невнятен среди общего вялого бледного фона.

Становилось немного легче, когда дождь белел, спускаясь с белого неба. Как зеркало, он отражался сам в себе. Он дымно окутывал автобус. Смягчались звуки, мылись стёкла. Как-то на развороте автобус тряхнуло, и меня прижало к мокрому даже изнутри стеклу, и неожиданно я увидела в белом дожде ярко-красные яблоки.

Яблоки горели в мокрых зябнувших садах, как огонь. Яблоки появились из бледной мглы, из неяркого серо-алого блика, – блика среди других, меж нечётких рябин и полустёртого боярышника. Они вдруг

проявились ало, чувственно-остро, их цвет согревал. В этих яблонях было что-то неузнанное и узнаваемое. (Как будто мой двойник звал меня на непонятном и в то же время смутно знакомом языке). Всё началось с этих яблочек, но уже можно было разглядеть – сквозь пелену дождя – и сиреневые листья дикого винограда, и тонкий лёд на маленьких окнах – должно быть, оставшийся с ночи, и сугробики опавшей листвы, залёгшие под мокрыми заборами, и неяркие звёзды последних цветов. И сам дождь, нежной пеной оседавший в садах. И множество пузырьков в лужах среди опавшей листвы – как если бы кто-то вылил шампанское в тлеющую листву или, скажем, море только что залило эти сады и схлынуло. Но всего сильнее были краснеющие яблоки – от них шло почти физическое ощущение желанного тепла.

Когда мы проехали дачи, я закрыла глаза, чтобы ничто не стёрло впечатления. Я закрыла глаза и в мыслях покинула автобус. Я сошла в дождь в первый же сад, и то, что было со мной дальше, и кого я встретила в том саду – пусть со мной и останется. Мне было так хорошо, как если бы всё происходило на самом деле. Автобус дошёл до Новокуйбышевска и вернулся в Самару, и снова ушёл в Новокуйбышевск. Я открывала глаза, когда начинались дачи. Освещение менялось, но яблоки по-прежнему грели и освещали, как пламя костра ночью, всё новые подробности. Самыми тёплыми они были, с румяным смуглым деревенским оттенком наивной бесхитростности, когда автобус второй раз шёл к Новокуйбышевску – то есть на третий раз подряд. В Новокуйбышевске я открыла глаза на конечной остановке – яблочек было так много во мне, что окружающее уже не могло их заслонить.

Я открыла глаза и увидела очень внимательный взгляд водителя. Он смотрел на меня из зеркальца, в которое видно салон. Я вдруг осознала, что стою в пустом автобусе на задней площадке – я так и простояла на ней, не шевелясь, не делая попытки занять ни одно из освободившихся мест – все три перегона. И я увидела вдруг – глазами, глядящими на меня из зеркала – и свой растерянный взгляд, и свой вишнёвый плащ, уже потёртый и слишком лёгкий для этой погоды, и капрон не по погоде, и ботиночки на шнуровке – тоже слишком лёгкие, на чересчур неустойчивом тоненьком каблучке. Которые, к слову, у меня второй (или даже третий) день не находилось сил как следует почистить.

Он смотрел на меня так пристально, что душа моя сжалась от мысли, что этот человек может со мной о чём-нибудь заговорить (например, о том, какого чёрта я катаюсь на этом его автобусе взад-вперёд), и нужно будет ему что-то отвечать.

Но он ничего не сказал мне, он перевёл взгляд и закурил. Он вообще больше не смотрел на меня – пока мы не тронулись.

Но когда я приоткрыла глаза по дороге в Самару, чтобы взглянуть на уже уходящие в сумрак дачи, то увидела, что водитель находит меня взглядом, и странное чувство, что он отвечает за меня, пришло ко мне. Это

чувство не было долгим, но оно появлялось всякий раз, когда я ощущала на себе его беглый взгляд.

Я, должно быть, – тогда, – забыла о водителе прежде, чем вышла из автобуса. Я пришла в общежитие, и долго согревалась под горячим душем, а потом, надев тёплый лыжный костюм, залезла на кровать под одеяло. В комнате горел свет, толкался какой-то народ, но мне это было всё равно. Даже когда я открывала глаза, яблоки, тёплые красные яблоки висели на старых яблонях и сыпались с веток, и падали вместе с дождём с белого неба. Ощущение, что мне тепло именно от этих яблок, не оставляло меня.

Прошли годы. Я давно закончила институт, у меня большая практика.

И когда к моей душе прислоняется другая мёрзнущая душа, всё чаще я думаю о том, что не вправе быть для другого человека красным яблоком или даже целым яблочным садом. Мне кажется, гораздо важнее быть проводником, – как тот водитель, который вёл свой автобус мимо садов, может быть, ему самому неведомых, и не задал ни одного лишнего вопроса.





## АЛЕКСЕЙ КОЛЕСНИКОВ

(Россия, г. Белгород)

Колесников Алексей Юрьевич родился в 1993 году в п. Ракитное Белгородской области. Проживает в г. Белгороде. Окончил юридический институт НИУ «БелГУ», работает юристом. Автор электронной книги «Ирокез» и печатной книги «Экспроприация». Рассказы и эссе опубликованы в журналах «Дружба народов», «Нева», «Вопросы литературы», «Волга», «Дон» и др. Лауреат премии «Лицей» за 2022 год,

«Радуга» за 2023 год, лауреат Международной литературной премии «ДИАС-2024».

## СЕРЬГИ С БРИЛЛАМИ

В пятнадцать я хотел убить человека.

Никакой бы тогда литературы!

Я знал поэта с какими-нибудь тридцатью читателями, которого судили за распространение наркоты. Бедняга умолял о снисхождении. Обещал быть полезным на свободе, подразумевая свои стишки под Бродского.

– Я – поэт! – кричал он из клетки. – Это опыт! Из него будут стихи. Они помогут людям.

Поэты не торгуют синтетикой. Его посадили на семь лет.

У неё было бодрое имя. Здесь будет Мирой.

В Платоновск Мира переехала с мамой и отчимом. Я заметил её первого сентября на линейке, когда неистовствовал гимн.

Странно – с такими ногами – она на физре не могла перепрыгнуть через «козла». Подбегала, шлёпала его по задку, невысоко отрывалась от пола и замирала, как примагниченная.

Я стеснялся ухаживать открыто. Казалось, что любовь – это позорная слабость.

Мы лишь иногда вместе возвращались домой. Переходили железную дорогу, потом брели вдоль кирпичных стен разрушенного завода, спускались к зеленеющему пруду и там курили под ивой, слушая лягушечьи вопли. Ветви дерева и чернозём под ногами там никогда не просыхали. Самое влажное место в Платоновске.

Мира восхищалась отчимом. Говорила, что он делает «солнышко» на турнике и по воскресеньям покупает матери хризантемы. Я ревновал.

Они снимали квартиру в двухэтажном бараке. Мечтали выкупить и отремонтировать. Под окнами грядки с луком и покатый тротуар с «классиками».

В «Венецию» – единственное питейное заведение – меня не пускали родители. Там тусовались одиночки всех возрастов: от школьников до пенсионеров. Во мраке бильярдного зала, с жирным блеском на губах, жались по углам мои одноклассники, пахнувшие пивом и табаком. Оправляя свитера на животах их разглядывали мужики.

Зимой тепло, а в межсезонье сухо. Болтали у гардероба, трахались на заднем дворе, дрались прямо у входа.

Литературу в 2009 году вёл молодой учитель, приехавший из города. Назову его Конев за энергичность. Он снимал домик на моей улице, поэтому мы познакомились ещё в июле. Летом он городил летний душ. Я помогал: придерживал доски, пока он лупил по гвоздям.

Вечерами Конев одиноко гулял по посёлку, на выходных пил, в праздники уезжал куда-то. Держался просто, репрессий не применял. Впрочем, пару раз орал на нас. Запугивал на будущее. О себе не распространялся, а нас допрашивал как следователь. Это утомляло.

Вторая пятница сентября. Душно, как под периной. Пот выкипает стаканами, заливая тетради. Конев рассказывает о Горьком. Мы увлечены. Домашнее задание не спрашивает.

– Всё равно вы не читали.

– Не всё, – возражаю я.

Мы что-то обсуждаем. Волнуюсь, пересказывая сюжет «Караморы». Учитель меня прерывает:

– Остальным скучно. Нам придётся подстроиться и перестать. Странно, да? Садись. И почитай ещё... – диктует список.

Меня поразила история о том, как Горький вступился за женщину, побиваемую камнями. Ведь знал, что и сам получит – отчаянное мужество.

– Как тебе про Горького? – спросил я Миру.

Она ступала на желтеющую травку стадиона изящными кедами, а я плёлся следом, неся в руках пахнущий потом пиджак.

– Про женщину страшно! – остановившись, сказала она. – Всем селом бьют, а никто не заступает! – И сразу: – Как тебе мои кеды? На выходных купила.

– Сама купила?

– Ну, отчим. У меня под них джинсы. Жалко, в школу нельзя!

Под нашей ивой оказался забалдевший в пламени солнца рыбак с бесконечной сигаретой.

– Куда вечером? – поинтересовался я.

– Джинсы с девочками выгуливать. Может, в «Венецию» зайдём.

Видимо, я скривился, раз она затараторила:

– Дождь будет. Музыка хочется. Куда ещё-то?

– В «Венеции» собираются те самые, кто человека камнями готовы забить, – сказал я на прощание. Мне до сих пор нравится эта формула.

Её желание посетить тот проклятый гадюшник я воспринял снисходительно. Когда приехала, была зеркалом – теперь становится стеклом. Обычное дело.

Вечер набухал, воздух, казалось, можно разливать по кружкам, но дождя так и не случилось. Только тьма неба, зашторенного взбитыми облаками.

Я бесцельно побродил в наушниках по знакомым до камня улочкам Платоновска и к десяти был уже около дома. Выли собаки, доносился рёв машин. В приоткрытую форточку пахло поджаренной картошкой – мама ждала.

– Тусуешься? – услышал я из тьмы безфонарной улицы. – Конев догонял меня, бодро неся позвякивающий пакет. – Духота какая! Ты без Миры?

Я изобразил недоумение.

– Она копошится с вещами после уроков, а ты поджидаешь. Я наблюдал через окно! Не стесняйся, – добавил он. – Из тебя всё – твоё.

После полуночи (я навсегда в той минуте) позвонил друг и сказал, что Мира попала в аварию и, кажется, умерла.

Она села в машину ко взрослому мужику. У посадки за баней они въехали в столб. Мира вылетела через лобовое, как опорожнённая бутылка.

Недолго думая, тайком я выбрался из дома и пошёл к этому месту. Проявились луна и звёзды, духоты не стало.

Покорёженный «Нисан» напоминал заколотого быка. Хрустели стёкла, пахло бедой. Покурив, я почти сразу двинул обратно, внезапно ощутив смертельную сонливость.

Вдруг у посадки, буквально в дюжине шагов от машины, на муравейнике у клёна, я увидел пистолет. Не игрушка! Увесистый и мокрый. Покинутый кем-то.

Его звали, как святого.

Сорокалетний, тучный, смешливый, умеренно пьющий, без убеждений, надежд и страхов, только с иллюзиями, совместно с тестем владеющий автокомплексом за храмом. Здесь (ирония) он будет Пьер.

В тот вечер пятницы он выпил пива в «Венеции» и вышел на перекур. Не представляю их диалог, а Мира не рассказывала. Предложил – согласилась. Такси в Платоновске и теперь нет, а пешком далековато. Они действительно жили на соседних улицах – что такого-то?

Зачем она – брезгливая – с ним поехала? Почему он решил покатать малолетку? У каждого своя корысть.

И пистолет был его – мне потом рассказали – подвыпив на шашлыках, Пьер палил из «Беретты» по банкам. Думаю, очнувшись он сперва швырнул оружие в кусты, и только потом к Мире – её-то куда перекошенную?

За те три месяца, что Миру держали в больнице, я стрелял из «Беретты» лишь однажды. Интернет научил его разбирать – появилась уверенность. Перед Новым годом, в сухой солнечный денёк, в лесу я выстрелил по кем-то слепленному снеговика. Во вместительном магазине осталось четырнадцать патронов.

На обратном пути, вялый от стресса, я встретил Конева.

– Как будто выстрелы, да?

– Где-то там, – указал я.

Поговорили о предстоящих экзаменах, а потом он спросил:

– Миру навестишь? Привезут к Рождеству.

Я пожал плечами.

– После больницы нужно внимание.

– Видели, Пьер ездит на новой тачке? – спросил я.

– Видел. Он, будто, бизнес продал и финансирует лечение. А она, говорят, ничего не чувствует ниже талии.

В ответ я лишь усмехнулся:

– Отчим Миры квартиру купил, знаете?

Как-то я спросил у Миры, когда же суд.

– Может, и не будет его, – ответила она, не оборачиваясь. Я катал её вокруг дома.

Уже тогда я не верил в исцеление.

– Нужно разрабатывать, – жаловалась мама Миры. – А она кричит. Потяну-потяну и бросаю. Жалко.

Весной весь посёлок узнал, что суда не будет, а к крыльцу дома Миры приварили пандус.

– Он откупился! – поучал я Миру. – У него даже права не отобрали!

– Без денег нет шансов, – твердила она.

Где-то за неделю до экзаменов я решил застрелить Пьера.

Рассчитал, что подкараулю у гаража, подойду вплотную и выстрелю, как в кино. Не забоюсь. Никто не узнает.

Помешал один случайный разговор с Коневым. После уроков, раз уже в третий, он объяснял мне спряжения глаголов. Аридность кабинета и занудство темы мгновенно доконали нас. Хотелось на волю – к радостным пляскам весны.

– Открой окно. Только не выпади, а то тюрьма мне.

– Откупитесь.

– Нечем! И деньги берут не от всех.

Далее мы естественно заговорили о Пьере. Я заметил, что Конева совсем не будоражит вся эта история. Отсутствие бунта – мне, подростку, – казалось неестественным.

– Хорошо бы, завалил его кто-нибудь! – вдруг сказал я с облегчением исповедующегося.

– Ничего хорошего. Допустим – ты! Арест, суд, вонючая тюрьма. Жизнь с определенным контуром. Пьер в могиле. До вас обоих никому нет дела. Всё это вместе называется: справедливость. Не похоже, правда?

– А если не поймают?

– Поймают. И, кстати, убивать нельзя, помнишь?

– Почему? Совесть замучает, как Раскольникова?

– Во-первых, может, – помедлив, ответил он. – Во-вторых... – так и не придумав, Конев лишь улыбнулся и махнул рукой, как платочком.

– Вы же в Бога не верите?

– Нет.

– Тогда почему нельзя?

– Опыт подсказывает, – нашёлся он наконец. – Я с Мирой на дому занимаюсь. Её родители меня раньше стеснялись, а теперь в соседней комнате жрут, пьют – устали притворяться. Всем плевать. И Мире самой тоже. Свыклась. Впереди только мелкие желания и наивные мечты о чуде. Жажды мщения нет. Ты её серьги с бриллами видел?

– Какие серьги? – не понял я.

– Пьер подарил перед закрытием дела. И взяла, представляешь! Сидит: тощая, ступни серые врозь, пахнет старухой, кресло поскрипывает, зато в ушах бриллы. Мочки до плеч оттянуты. Ты слишком высокого мнения о людях. Им не нужна справедливость, когда есть бриллы.

Я видел эти серьги вечером того же дня. Мира их беспрестанно теребила.

– Это вместо позвоночника?

– Мама сказала, что и радоваться чему-то нужно.

– Ну, радуйся тогда, – предложил я.

Окончив школу через два года, я покинул посёлок. Конев уехал в Москву. Мира выкладывает фотки, на которых скрыто кресло. Располнела, особенно ноги. У Пьера новый дом в Платоновске. Жена родила ему вторую дочь. Подозреваю, что он вообще никогда не умрёт.

Пистолет был тайно всегда со мной. Иногда вместе бегали в универ, ночных гостей встречали, оборачивались на окрики из тёмных дворов. Я берёг его, как тайную мощь для самого страшного часа.

Уже после учёбы, в чудовищно-нищую зиму, я сдал мою «Беретту» ментам и получил скромную компенсацию. Оказывается, существует такая льгота. Страшно было, но получилось. Мент радостно тряс мою руку. Продаст по-тихому, думаю.

Расставшись с пистолетом, я будто освободился от бремени. Стал легче.

Отдать бы и остальное, что накопил, да никому не нужно.



## МАРАТ ШАФИЕВ

(Азербайджан, г. Баку)

Родился в городе Баку в 1963 году. Образование среднее, работает электромонтёром. Член Союза писателей Азербайджана. Первый председатель литературного объединения «Содружество» (2000–2005). Организатор четырёх конкурсов «Хайку на волнах Хазара». Автор шести поэтических и прозаических книг, последние: «Хроника одного десятилетия» (2020, стихи), «Краткая история русскоязычной бакинской поэзии» (2023, эссеистика). Один из составителей альманахов «Меч и перо», «Сотворение мифа», «Горы Кавказа, я вам не чужой!» (тексты бакинских авторов о Лермонтове), «Здравствуй, Баку!» (Есенин в Баку), «ЛУЧшее». Публиковался в журналах: «Литературный Азербайджан», «Идель» (Казань), «Слово» (Ташкент). В 2018 году награждён почётным знаком Межправительственной Ассоциации СНГ за заслуги в развитии культуры и искусства. Лауреат Международной литературной премии «ДИАС-2024».

### В ПОИСКАХ ПРОШЛОГО

*Вагифу Султанлы*

«5-й жилой массив» – улочка, стиснутая с обеих сторон каменным забором, обрывается порталом с каменными часами, где стрелки застыли на 11.55. Наивная попытка остановить конец света, который наступит в 12.00, полдня или полуночи – уже всё равно.

Я иду в прошлое, даже космический навигатор не подскажет точного направления, но я уверен: надо пересечь границу живого и мёртвого мира.

– Сколько времени? – спрашивает меня продавец красных гвоздик.

– Не знаю. А зачем кладбищу время?

Продавец цветов неуверенно мнётся:

– Война войной, а обед по расписанию.

Кладбище – это огромное количество лодочек, пленённых застывшими водами, но почему-то ожидающих перемены погоды и попутного ветра. Киваю приветственно каменщику в белой муке, выбивающему музыкальным молотком вязь на каменной плите.

– Сколько времени?! – вдруг кричит он.

«Проклятый каменщик, – чертыхаюсь я мысленно. – Не мог разве спросить, когда я был рядом?» – мне совсем не хочется надрывать горло, и я ускоряю шаг.

Почему вопрос звучит снова, будто отзыв на пароль неверен? Может, не сколько прибыло, натекло, настучало, а сколько... осталось?

Глинистая жирная земля становится суше, всё реже и мельче растительность, и всё злее жалит солнце. Узкоколейка упирается в одинокий со стёртой побелкой домик. Запах солярки и мазута перебивается жгучими запахами всюду разросшихся диких цветов. Старый обходчик в замасленной брезентовой робе, подвёрнутой снизу над резиновыми сапогами, приглашает меня в гости, угощает чаем с пряной травкой и слипшимися леденцами. На стене молчат часы и фотографии в старинных одёжках, и одна – юного, такого же широколицего солдата с автоматом наперевес.

– Надо отдать время в починку, – говорит старик. – Но точное мне без надобности. Солнце взошло – пора рельсы чистить, солнце на покой, ну и ты спи.

– Тяжело, – говорю я. – Откуда столько песка в мире?

– Да ведь песок – это и есть просыпанное мимо ладоней время. Не песок топчем, а свои несостоявшиеся мечты и разбитые хрустальные звёзды.

Я удивляюсь этой обыденной правде, которая для меня звучит откровением, и, уже не боясь выглядеть в глазах обходчика сумасшедшим, спрашиваю:

– А можно ли вернуться в прошлое? Не в воображаемое, а в самое что ни на есть настоящее живое прошлое, где все любят наивного и светлого малыша, где мне всё понятно, где я единственно счастлив.

– Для Бога нет ничего невозможного: в его силах изменить всю историю. Но всё, что удалось сделать мне – это остановить время, но не повернуть вспять, – серьёзно отвечает старик. – Иногда ценность времени меньше стоимости стакана воды, но когда в топку войны бросают человека, чтобы выиграть время, тогда время значит гораздо больше, чем жизнь... Я бы с радостью составил тебе компанию, но кто будет разгребать песок на рельсах? Вдруг занедобятся какому-то маневровому. А одолеть пустыню я помогу, есть у меня и фляга для воды, и копчёное мясо.

За окном сигналит машина.

– Здравствуй, Бахытгуль. Спасибо, что не забыла, – из распахнутой двери автолавки старик принимает мешки с мукой и сахаром от крепкой девушки в джинсовке и, отказавшись от помощи, поочерёдно волочёт их в дом.

– Отвернись, – девушка скрывается в глубине кузова, потом спрыгивает со ступенек уже в цветистом платье и с ярко помаженными губами.

– Сколько времени? – невольно спрашиваю я, заметив блеснувшие на запястье золотые часики.

– Двадцать минут.

– Чего?

– Маленькой стрелки нет. А тебя подвезти?

– Ты тоже держишь курс в прошлое?

– Нет, я еду в счастливое будущее, – золотозубо смеётся Бахытгуль.

– А что ты знаешь об Апокалипсисе? Чтобы состояться, такое трагическое будущее само является искателем, выбирая из настоящего лишь необходимые вариации беды.

– Шайтан! Пусть твои пожелания воздадутся тебе сторицей, – машина с рёвом пылит по едва угадываемой колее, а я направляюсь в противоположную сторону – в глубь пустыни.

Все люди почему-то спешат в недосягаемое, как горизонт, будущее, и только я иду в прошлое... В долгой зыбучей пустыне, где зной сменяется ночной холодрыгой, каждая песчинка вопит о тех миллиардах лет, которые понадобились Вселенной для её сотворения. А наверху, куда и направлен вопль – тот же самый мёртвый искристый звёздный песок. Наждачные бури, неожиданно рождающиеся и исчезающие, разлохматили мою одёжку и отполировали тело до такой степени, что гладкие, с глубокими складками кожи, со вздутыми голубыми венами вараны не пугаются меня, принимая за своё подобие. С каждым потерянным днём сердце моё всё молчаливее: ему уже нет дела ни до прошлого, ни до будущего. Выцедив последнюю каплю и отбросив пустую флягу, я рою в песке могилу, но вдруг вижу в странном мерцании воздуха возбуждённую толпу и вырвавшуюся вперёд молодую, как и тридцать лет назад, Лейлу, с визгом повисшую на моей шее, заглядывающую в мои глаза, целующую в губы и не пугающуюся страшных изменений моей внешности. Но странно, что я не чувствую её плоти, и обступивших меня родителей и родичей обнимаю как пустоту. Не прерываются разговоры, в казане дымится крупный рис с кусками верблюжатины – но это счастье, эта райская пища не насыщают меня ни духовно, ни телесно.

«Мираж», – понимаю я, тайком покидая пальмовый оазис. Но родные преследуют меня, из песков выбираются голые мертвецы и присоединяются к нашей армии:

– Не оставляй нас, спаси нас!

– Почему я? Разве я знаю выход? Расходитесь по домам!

– Но наши дома разрушены, наши дети не признают нас и не отпирают двери.

Будто калека с отрезанной ногой, я ещё ощущаю энергетику прошлого, напрягаю память, но жизнь в разлуке стала между нами непреодолимым барьером. Просыпанный песок – это мёртвое время, сколько ни сей: из мёртвого не родится живое. Чтобы избавиться от неподдельного плача и стога, я тяжело бегу, то и дело проваливаясь по колено в сыпучий песок, в сторону голубой полоски, и, плохо умея плавать, вступаю в гром и свист свирепой реки.

К счастью, рисковать нет надобности – к водной стихии прилагается мост. О, ужас! – новый мост из циклопических костей, но трухлявых

и почерневших: трещащие, качающиеся, рассыпающиеся под ногами. Но прежде чем последний костяной пролёт свалился в бездну, я успеваю прыгнуть в сумрак другого берега.

Воздух здесь так плотен, что дальше не ступить и шагу. И в этом глухом непроницаемом склепе, где невозможно даже упасть, я осознаю: всё равно куда двигаться: в будущее или прошлое, все пути стягиваются в одну точку; а время – ты сам и есть, со всеми потрохами, пульсацией и фантомами сознания, запечатанный нетленной мошкой в янтаре Вечности.



# ЛАУРЕАТЫ ЛИТЕРАТУРНОЙ ПРЕМИИ «ДИАС-2024», НОМИНАЦИЯ «СУДЬБА»



**СТАНИСЛАВ ГРИГОРЬЕВ**

(Россия, г. Москва)

Родился 11 июня 1972 года на среднем Урале, в городе Свердловск-44. Окончил университет Российской академии образования, по образованию педагог-психолог. Работал психологом, менеджером. Автор 30 рассказов и около полутора сотен стихотворений. Публиковался в коллективных сборниках как призёр интернет-конкурсов. Первое место на поэтической премии «Фонарь-2024» (поэзия), лауреат и дипломант премий «Русский Гофман-2024» (поэзия), им. Уолта Уитмена (поэзия, 2024), «Тэффи-2024» (афоризмы и литературные пародии), лонглистер «Делаландии-2024» (поэзия, проза), лауреат Международной литературной премии «ДИАС-2024».

## ДОНЕСИ СВЕТЛО

Солнце в тот день встало не на Востоке. На Западе. Божедар Яичница мучительно размышлял над произошедшим, отправляя в нутро пятую чашку кофе. Божедар не любил думать. Божедар любил созерцать.

Началось всё с появления на Свет Божий. Ещё не выйдя из материнского чрева полностью, целокупно, он увидел свет. Мать, не услышав от новорожденного ни звука, опешила. Казалось, что и бараны, бывшие тут же, поблиз, несколько деморализованы. А дело в том, что младенец был занят. Он созерцал явленный ему свет. Мать, впечатлённая подобным развитием событий, долго над именем мальчика не думала. Испросив на скорую руку совета у вожака отары барана Небойши и получив в ответ утвердительное *беээ*, Йованка Яичница нарекла сына Божедаром. Более свидетелей сего действия не было. Не состоялось. События развернулись в высокогорной сербской деревушке. Зима та выдалась дюже морозной, и все насельцы сидели по домам. Сидели, ибо работы и летом хватало. А нынче чего бы и не отдохнуть, не набить бока мякотью. Вот и сидели. Сиднем.

Был у Божедара отец. Яблан. Тот ещё гулёна. Вот и в тот день гулеванил. Жена рожает, а муж в соседнюю деревню наладился. Сказал, к брату. А все знают, что не к брату. К Милинке подался. А та и сама родить не дура. Тем более от Яблана. Одни усищи чего стоят! Такими грести можно, как вёслами. А уж чего у него там. Мама рóдная! Там, это значит, в голове. Иной раз как начнёт говорить, слова во все стороны птицами разлетаются. Заглядеться можно, заслушаться. Хочет Милинка от Яблана яблочек молодых, да крепоньких, деток то бишь. Да побаивается. Пойдут в отца – проблем не оберёшься. А ну как начнут всем гуртом языками чесать. Это что ж такое выйдет? Нет. Ну его. Не моё это. В меня столько не влезет.

Бог с ним, с Ябланом. Да и с Милинкой Бог. Со всеми Око его неусыпное. Так вот и созерцал Божедар происходящее. Где пристально, где вскользь. По ситуации, по степени.

А тут, видишь ли, совсем неладное. Рассвет, и на западе.

– Так и до светопреставления недалеко, – рассуждал, – с другой стороны, какая разница? Был бы свет, а откуда он начинается, не так и важно. Ну правда. Не может что ли Господе напутать? Ну перебрал малость накануне шльивовицы, да и ослабил бдительность. Нечего переживать. Пустое.

Только Божедар успокоился, часы пробили полдень. С последним ударом из них вылетела ожившая кукушка. И ладно бы одна. С выводком кукушат.

– Да где же это видано, чтобы кукушата при матери отирались, – успела мелькнуть мысль и тут же забылась, видно с кукушками улетела. Ибо свет за окном, с присущей ему скоростью, заменился темнотой. Только что обильно сиявшее солнце сменила огромная полная, дебелая, словно Милинка из соседней деревни, луна.

– Па нé знам... Не мóгу да верујем, – рассеянно произнёс Божедар.

В тот же миг необъятных размеров иссиня-чёрный ворон, заполонив собой всё пространство, подлетел к луне, заключил светило в клюв и был таков. Не стало ничего. Или стало. НИЧЕГО.

Что ж, как говаривала прабабка Божедара, косоварка Дрита Шкодра, – конец концом, а свет светом.

– И если ты за свою жизнь впитал в себя столько света, сколько послал тебе Великий Аллах, то никакой конец тебе не страшен. Свет Аллаха – твой свет, и он всегда будет с тобой.

– А как его впитать? – уточнял правнук.

– Зайчики, Божек. Лови солнечных зайчиков. Сколько сможешь. Лови всех, пролетающих ми... С этими словами Дрита отошла. В мир иной. Неизвестно, много ли она успела поймать зайчиков, хватило ли ей для того, чтобы не бояться конца света, но в итоге Дриту поместили в деревянный ящик. А после и вовсе закопали. Туда, где было темно и сыро, и вряд ли водились солнечные зайчики.

Божедар вдруг поперхнулся. Ещё. И ещё. Он кашлял, и с каждым новым кашляньем изо рта вылетали солнечные зайчики. И с каждым освободившимся зайчишкой вокруг становилось светлее. Высвободив всех зайцев, он проморгался и заметил, что НИЧЕГО заполнялось ЧЕМ-ТО. Это ЧТО-ТО сначала было не распознаваемо Божедаром, но постепенно его органы чувств стали идентифицировать поступающую информацию. Кофейник источал горький, как балканская судьба, аромат. Вместо привычного сада двор плавно переходил в цветочное поле, уходящее в бесконечность, уверенно и без обиняков расположившуюся аккуратно за горизонтом. Все цветы были высотой в два человеческих роста. На толстых, абсолютно прямых стеблях покоились широкие кипенно-белые чаши.

Божедар почувствовал желание встать и выйти в поле. В членах ощутилась необыкновенная лёгкость. Казалось, земное тяготение более их не тяготило. Ноги едва касались земли. Пройдя метров сто, он уловил какое-то движение над головой и остановился. Один из цветков медленно выгибал стебель, склоняя чашу ровно над теменем Божедара. Когда чаша почти коснулась волос, какая-то сила оторвала его от земли и ласково перевела в горизонталь, после чего цветок стал его всасывать в себя. Диаметр чаши был чуть больше роста всасываемого. Человек, поглощённый цветком, испытывал глубоко положительные ощущения, описывать которые здесь нет никакого смысла, ибо речь человеческая просто не в состоянии передать оные. В момент полнейшего, в хорошем смысле, изнеможения, в голове Божека возникла чёткая, зримая надпись. Почему-то электронным шрифтом: **КОРРЕКЦИЯ ЗАВЕРШЕНА. ПОЗДРАВЛЯЮ, БУДЕШЬ ЗАМЕСТИТЕЛЕМ. Я В ОТПУСК. БЫВАЙ. НЕСИ СВЕТ. И подпись: ГОСПОДЕ.**

В это самое время баран Небойша остервенело тряс своей пустой бараньей башкой. Дело в том, что голова его наполнялась доселе неведомым. Небойша это чувствовал и пугался, не понимая, как реагировать. Упереться рогом или капитулировать. Происходили с организмом и другие пертурбации. Горизонтальные линии зрачков сузились и приобрели форму круга. Зачесались основания рогов, после чего сами рога мягко хруснули и отвалились. Было и иное. Но самое главное, – в том месте, где у барана всю жизнь располагались лопатки, вдруг что-то

выперло и начало увеличиваться в размерах, приобретая очертания крыльев. Голова более не тряслась. На месте морды образовалось лицо, выражение которого приобрело глубокую осмысленность и даже некую лучезарность. Что-то было в нём и от агнца божьего и от ангела одновременно. Завершив все необходимые приготовления, Небойша взмахнул крылами и медленно, но уверенно стал возноситься.

Свидетели чуда провожали Небойшу. Кто-то бросал шапку в небо, кто-то целовал оказавшихся поблизости. Скептики шли дальше по своим реальным, осязаемым, земным делам.

Божедар Яичница сидел во дворе своего дома, смотрел на небо и улыбался, провожая взглядом исчезающую точку. Донеси светло, – шептал он заворожённо, – неси свет.





## **МАРИНА КРАВЕЦ**

**(Россия, г. Санкт-Петербург)**

Родилась в Ленинграде 25 июля 1956 года. Окончила политехнический университет Петра Великого в Санкт-Петербурге (1979), работала в РНБ (Российская национальная библиотека, отдел патентной документации). Окончила курс литмастерства в Литинституте. Печаталась в литературных журналах, в т.ч. «Невский проспект». Работает по договору с московским детским издательством над биографией М.И. Глинки. Переводит детские

стихи малоизвестной американской поэтессы М. Моррисон. Лауреат Международной литературной премии «ДИАС-2024».

## **БЕСЦЕННЫЙ ГОСТИНЕЦ**

– Чудеса? Чудеса случаются, – сказал я попутчику в ответ на какое-то его замечание.

О разговорах в поездах много написано и в кино показано; долгая дорога, случайность и мимолётность встречи располагают к откровенности. Мы проговорили часа два, выпили по несколько стаканов чая. Пока не видела проводница, добавляли кой-чего покрепче; мне хотелось продолжить свой неспешный рассказ, но попутчик, видимо, не верил в чудеса и забрался на верхнюю полку. Ночь быстро опускалась на мелькавшие за окном перелески, озёрца, редкие домики, полумрак вагона располагал ко сну. Я застелил свою нижнюю полку, лёг, натянул да подбородка лёгкое одеяло, ещё раз посмотрел – попутчик заснул мгновенно. Тогда я продолжил свой рассказ мысленно, как будто обращался к внимательному собеседнику.

– Этим летом, в августе, мне стукнет, даст бог, восемьдесят – куда с добром. «Куда с добром» – это была любимая присказка моей мамы. Мама моя, Мария Андреевна, родилась и прожила всю свою жизнь на Новгородчине, знала множество частушек, попевок, прибауток, пословиц и поговорок. Появился я на свет в том же роддоме, что и мой великий соотечественник Николай Николаевич Миклухо-Маклай. Вообще, местность наша родит великих людей: Суворов, Бианки, Рахманинов... но не только людьми славится Новгородский край, Окуловка и Боровичи, природа тоже отмечена Божественной печатью. Одна речка Шегринка чего стоит – в ней когда-то добывали речной жемчуг, а рыба как шла – косяком... Река Мста известна Вышневолоцким речным путём, а я до сих пор – глаза

закрою – и вспоминаю вкус воды у Опеченских порогов, обжигающе-холодный, свежий, с пузырьками; легко найду место, где подземная речка Понеретка выбивается из-под земли на поверхность.

Мне не исполнилось ещё и двух лет, как началась Великая Отечественная. Буквально в первые же дни войны фронт подошёл на тридцать вёрст к Боровичам, было море раненых, их привозили на поездах-летучках и определяли в госпитали. Боровичи стал городом-госпиталем; в каждой школе классы и залы отдавали раненым. Мама пошла работать в госпиталь санитаркой, отец неделями не появлялся, был занят на железной дороге. Знаете одноколёйку между Угловкой и Боровичами? Её начинал строить мой отец ещё до войны. Меня оставляли дома одного; на столе, куда я едва мог дотянуться, лежал кусок хлеба, в чашке – остывший чай, редко – молоко. Когда мама приходила с работы, она находила меня завернувшегося во всевозможные тряпки, бывало, и под кроватью – я боялся бомбёжки и протяжного воя из репродуктора, который не разрешалось выключать. Промучившись так несколько недель, мама смогла определить меня в детский сад, от нашего дома это было в двух километрах. Мама несла меня туда на руках; всё чаще на полдороге у неё недоставало сил, она отвязывала платок, которым я был примотан к её спине, и просила меня немного пройти самому. Когда мы спускались с крыльца, она всегда мне показывала яблоню, большое сильное дерево с крепким стволом и раскидистыми ветками:

– Видишь, Серёженька, как дерево растёт, и ты вырастешь, станешь большим, сильным, и понесёшь маму на ручках!

Бабушка Мария рассказывала моей маме, тоже Марии, а мама – мне, что тоненькое ещё деревце, яблоньку-дичок, выкопал на окраине леса и посадил возле нашего дома мой дед Степан в день своей свадьбы.

Дед посадил яблоньку в 1900-м, тогда моста через Мсту здесь ещё не было, и попасть из одной части Боровичей, деревни Плёсо, в другую – деревню Ланошино – можно было только на лодке. Только в 1905-м построили мост, назвали по имени инженера – мост Белелюбского.

Старики вспоминали, что раньше церковные праздники отмечали по очереди в разных деревнях, как-то договаривались, и все знали, что, к примеру, Троицу будут праздновать в Стегнуво, а Всех святых – в Коегоще, Преображение, или Яблочный Спас – в Пабережье, а по осени на Покров сойдутся в Желомле. В том далёком году, первом году двадцатого века, Пасху праздновали в Ланошино, на правом берегу Мсты. Соседи христосовались, гармоники заливались, парни бились на кулачки, девушки ходили стайками нарядные. Тогда-то моему будущему деду понравилась тоненькая невысокая девушка с пышной светлой косой, ещё почти ребёнок. После праздника провожал её до дома, она стеснялась, молчала, он тоже был не из разговорчивых; потом на вёслах возвращался к себе в Плёсо. Степан был всем молчунам молчун, слова из него, говорили, не вытянешь, но упёртый! А Мария, Манечка – та тихая была, скромная.

Так и встречались по праздникам целый год, больше молчали, когда только сговорились? Однако к свадьбе Степан поставил рядом с родительским домом пятистенку, а во дворе, чуть поодаль крыльца, посадил ту самую яблоньку. Это был дичок, цвело деревце мелким бело-розовым цветом, а на пятый год на нём появились мелкие кисло-горькие яблочки с розовым бочком. Чем прививал Степан дичок – неизвестно, мама вспоминала – говорили, вроде бы ездил дед на Окуловскую ярмарку за привоем. В годы войны яблонька наша всю давала красные крепенькие яблочки. Воровали, правда, много, голод был, осенью грибы да ягоды выручали, но яблоки считались особой ценностью.

Мне не довелось застать в живых деда, и бабушка Мария тоже недолго прожила без своего любимого Стёпы. А я... судьба меня помотала по городам и весям, служил и на Северах, на флоте, в Тынде пришлось поработать в восьмидесятых, а потом осел в Питере, женился, и пошло-поехало, завертелась моя жизнь колесом... Ездил, конечно, в родные места, поддерживал дом как мог, потом перевёз мать в город – а дом темнел, дряхлел, мои дети – сын и дочка – морщили носы, не хотели бывать в деревне даже летом, удобства, видишь ли, не те...

Неделю тому назад вдруг раздаётся звонок из Боровичской администрации – мол, на Солонице сносят ветхие дома, и в том числе тот, который мой дед поставил, а я бросил. Удивился, что разыскали меня, решил поехать, попрощаться напоследок с родовым гнездом. До чего грустно стало: покосился мощный когда-то сруб, крыша прохудилась, крыльцо совсем сгнило, из соседних домов жильцы давно разъехались, а он остался один-одинёшенек и как будто в чёрных проёмах окон слёзы...

Долго я так простоял. Тут меня и заметила соседка из дома напротив, через дорогу, и пригласила зайти. Её звали Вера Ильинична, я смутно припомнил белобрысую малявку Верку из соседской многодетной семьи.

– Вы, случаем, не Василия Степановича сын будете, Степана Строгова внук? – спросила она.

Хоть и была соседка немолода, не могла же она помнить моего отца и деда! Мы разговорились, Вера Ильинична прожила в Боровичах всю жизнь, пятьдесят лет отработала на Боровичском комбинате огнеупоров; оказалось, хранила в памяти много интересных сведений из родословных соседей-боровичан. Вера Ильинична собрала на стол. Время как будто пошло вспять: в кухне было всё так, как в годы моего детства: белёная печь с плитой, большой стол из струганых досок, отмытый до белёного цвета, берёзовые веники, тятка для теста, кувшин с молоком.

– А вот и чай подоспел! – сказала соседка. – Я травница, в бабу, сама сушила зверобой и чабрец, добавила маленько малинового листа... Только-только печку протопила, заодно настряпала. Ешьте олябышки, чаёк пейте!

Душистый чай обжигал губы.

– Ох, и вкусное у Вас варенье, красивое! Золотое! – сказал я, давно не лакомившийся самодельным, домашним сладким. Жил вдовцом уже

десять лет, какое там варенье, надо суметь продержаться-прокормиться самому, детей не хочется беспокоить...

– А это яблонька ваша напоследок разродилась, – певуче сказала Вера Ильинична. – О прошлом годе её спилили, никак сто лет ей было, поболее даже, столько дерево не живёт.

Задумавшись, продолжала:

– Сначала большой сук отломился у неё, больное нутро и открылось, потому решили вовсе спилить, так она будто услышала да поняла – столько яблочек народила! Да каких – все красные, сладкие. Я собрала корзину, часть засушила, часть сварила. Ешьте, что же Вы? – обратилась она ко мне.

А я сидел молча, и детство возвращалось ко мне – яблонька, посаженная моим дедом, родная яблонька угощала меня, старика, намного пережившего по возрасту и деда, и отца...

Вера Ильинична продолжала что-то вспоминать вслух, а передо мной проносились картины детства... Вспомнилось, как в военное время мама варила из тех яблочек варенье, никак не могли раздобыть сахар, кажется, добавляли крахмал, и это варенье считалось лакомством. Ещё вспомнилось, как ругал меня отец, когда я всадил новый перочинный ножик в кору, пробуя, хорошо ли наточено лезвие... Как привёз он мне в общежитие, когда я уже учился в институте, банку варенья из этих яблочек... Вдруг до моего сознания донёсся голос соседки:

– А я семечки прорастила, вырастила несколько саженцев, берите, сейчас заверну Вам с собой!

Где же я их посажу, на балконе моей квартиры на Васильевском? Нет, оставайся, яблонька, в родном краю, прорасти в своих потомках... Как я мог забыть о тебе, моя яблонька... Всё прошло, как с белых яблонь дым, вот и яблоньки уже нет, подумал я и стал прощаться с гостеприимной хозяйкой. Я не умел формулировать, но вдруг почувствовал то, что никогда не называл вслух: любовь – к родной земле, к людям, которые помнили моих родных; к дереву, которое было ровесником века...

В поезде я поставил сумку под скамейку – осторожно, чтобы не разбить банку с бесценным гостинцем. Колёса выстукивали: Бо-ро-ви-чи, Бо-ро-ви-чи! Бо-ро-ви-чи, Бо-ро-ви-чи!

– Спасибо тебе, яблонька! – мысленно повторял я, а поезд уносил меня в ночь. В вагоне горел тусклый свет, я закрыл глаза, дремота подступала, охватывала меня, мне казалось, моего лица касаются бело-розовые яблоневого цветки... Слово-то какое ласковое, светлое – яблонька!



## ЕЛЕНА ШУМАРА

(Россия, г. Санкт-Петербург)

Родилась 14 сентября 1975 г. в Ленинграде. Окончила РГПУ им. А.И. Герцена. Преподаёт в том же университете, доцент. В 2021 году в издательстве «АСТ» вышел роман «Если я буду нужен», который стал лауреатом Российской национальной литературной премии «Рукопись года», а также лауреатом премии им. Виктора Голявкина. Рассказы «Отказать Никакееву», «Итальянская традиция», «Когда Олле исполнится сто» и другие изданы в сборниках издательства «АСТ». Рассказ «Маха» напечатан в журнале «Изящная словесность». Лауреат первой премии Международного конкурса рассказа им. В. Г. Короленко, дипломант Международного фестиваля «Русский Гофман», Международного Волошинского фестиваля, лауреат Международной литературной премии «ДИАС-2024».

## НЕ ЛЮБИЛА

Крюков канал пахнет солью и тиной. Широкий, он колышется студенисто, будто полон прозрачных медуз. На той стороне крикливые парни пьют, толкают друг друга и обгрызают жёлтую кукурузу.

– Как в Сочах, – бормочет Юлька и добавляет с кавказским акцентом, – а вот кому чурчхела и пахлава!

– Ты в Сочах-то была? – усмехаюсь я.

– Да щас, – она прижимается животом к парапету, – я пленница серого города, ясно?

Юльке семнадцать плюс целый июнь. Всё еще маловато, чтобы влюбить такого, как я. К тому же Юлька – пацанка, метр с дурацкой кепкой. Глазищи недетские, кое-какая грудь, а в остальном – курёнок, как её ни крути.

Я достаю чупа-чупс, малина и сливки, сдираю шуршащий фантик.

– Будешь?

Юлька высовывает язык. Прячет обратно. По-рыбьи хватает наживку. Сом-сладкоежка, а может быть, кашалот. Она всегда была большеротой и злилась, если кто-то над этим шутил.

– Бежим на юг? – Юлька тычет меня в плечо. – В самые Сочи. А, Сань, давай?

Сквозь чупа-чупс я слышу: «Бежим на юг? В шамые шочи!..»

Нет. Нет, как бы мне ни хотелось.

Я смотрю вниз, в заросший чем-то бурый канал. Вода шевелится, словно на дне разыгрался Ктулху. Из-под моста вылетает катер с кратким именем «Злой».

\* \* \*

В детстве мы обитали с Юлькой в коммуналке на Декабристов. Матери наши дружили, как могут дружить только матери-одиночки, нервно и очень крепко. Комнаты были соседние, через стену, и наши с Юлькой кровати стояли по разные стороны этой стены. В школьные времена мы придумали нечто вроде азбуки Морзе. Но не стучали, как полагается, а скреблись. Мамы думали даже, что в доме ночью бесчинствуют мыши.

– Дура, – шуршал я по жёлтым обоям. – «Супер Марио» круче, чем «Мортал Комбат».

– Сам дурак, – отвечала Юлька по голубым в полоску. – Я тебя сделаю завтра и в то, и в то.

Юлькина мать готовила лучше и кормила всех четверых. Моя стирала, мыла полы и таскала нас, детей, по музеям. Однажды в корпусе Бенуа мы с Юлькой поцеловались. Мне было одиннадцать, ей – десять. Не помню, как и зачем это вышло. Вроде она бросилась на меня, прижала к стене и ткнула губами в губы – жёстко, но, в общем, приятно.

– Знаешь, Саня, – сказала потом, – ты целоваться-то не умеешь.

– И ты не умеешь, – парировал я.

– Мне десять, – напомнила Юлька и вынула чупа-чупс из розового рюкзачка.

Малина и сливки. Фантик испачкал пальцы. Мы лизали чуть кривоватый шар – Юлька, я, Юлька, Юлька и снова я. А потом нас погнали из зала.

\* \* \*

В мои непростые пятнадцать вдруг объявился отец. Московский, в галстук и пиджаке. Явно богатый. Сказал, заберёт меня, если мать разрешит. «Пожить с мужиком», «воспитаться». Мать прорыдала три дня и всё-таки согласилась. Отец уехал готовить «пространство», а я остался на пару недель – прощаться со старой жизнью.

Юлька тогда уже не росла. В школе дразнили её «полторашкой», но не обидно, шутя. Знали, что за соседку я разорву на большие куски. Целоваться к тому времени мы научились. Я – с Голяшкой из параллельного класса, просто для опыта. Юлька – с каким-то придурком из детского хора. Общались мы мало, не знали, о чём говорить, ну разве что вкусный ли суп.

Утром я должен был ехать. Ночью же Юлька вдруг зацарапала в стену:  
– Саня, ты спишь?

– Нет, а чего?

– Иди-ка сюда.

– Сама ты иди-ка, – сморщился я, будто она могла меня видеть, – самое время.

– Мама ушла, – лёгкий скребок, типа «ха», – свидание у неё.

Моя на свидания не ходила, но спала как сурок – крепко и с тихим свистом. Я поднялся, напялил штаны и рубашку. Тапки оставил перед кроватью.

Свет в соседней комнате не горел. Но дворový фонарь слабо вычерчивал узкий диван, складки скомканного одеяла и Юльку в белой ночнушке.

– Сань, ты сядь, вот сюда.

Я залез в любимое Юлькино кресло – с ногами, чтобы не мёрзли голые пятки.

– Давай поклянемся, Сань, что в этот же день, через три года, встретимся снова.

– Мы раньше встретимся, Юлька. Я буду к матери приезжать.

– Нет, то не в счёт! Три года, день в день, хорошо?

Она вскочила, бросилась к креслу и обняла меня. Чёртовы кости! Худая она была, как Кощей. Второй поцелуй вышел длиннее первого. И лучше по всем фронтам.

Мать вскоре уехала из коммуналки – в однушку на Ветеранов. Я навещал её каждый месяц, но Юльку, понятное дело, не видел. В Москве мне было неплохо, и я забывал свою старую школу, друзей и, конечно, соседей.

А через три года, день в день, словно дятел клюнул меня в макушку. Завтрак, рюкзак, «Сапсан». Шумный Московский вокзал. Тесная улица Декабристов. В тринадцать ноль-ноль я стоял перед дверью моей – нет, теперь уже не моей – коммуналки...

\* \* \*

Юлька кладёт палочку от чупа-чупса на узкий парапет.

– Упадёт, – говорю я.

– Спорим – не упадёт? – Юлька дует на чупсовый скелет.

Тот лежит, чуть розоватый от бывших малиновых сливок. Приклеился к теплым перилам. Парни на том берегу уже целуют девчонок – откуда они появились? Юлька кусает губы и на девчонок с парнями не смотрит.

– А знаешь, Сань, я тебя никогда не любила.

Пух от старых седых тополей снегом ложится ей на кроссовок, путается в шнурках. Она ждёт, что я скажу. Дождаться не может и шепчет, привстав на носочки:

– Ну, может, в детстве, немножко. Помнишь, в музее? А ты...

– А я?

– Четыре года не замечал. И потом ещё три... и сегодня.

Рот её, сочный и, наверное, сладкий от чупа-чупса, кривится. Будто она собирается плакать. Но Юлька не плачет. Она ведёт меня за руку, через садик при церкви, домой – в коммуналку на Декабристов.

Лучше бы мы сбежали на юг.

Вечером Юлькина мама, расцветшая к сорока пяти, кормит нас фасолевым супом. В комнате пахнет хлебом, сиренью и немного малиной в сливках.

– Сашенька, ты надолго?

– Нет, тётя Катя, в ночь уезжаю обратно.

– Жалко. Мать бы твою подогнали, сели, как в старые времена. Я бы пельменчиков налепила. А, Юлька, вместе бы налепили?! Вот давай, Саш, когда приедешь опять, так и сделаем, хорошо?

– Через три года, – Юлька кончиком ложки рисует на супе сердечки. – Раньше мы не сумеем.

– Солнце, опять ты несёшь ерунду! – мама смеётся, уходит с супницей в кухню.

Ветер качает боярышник за окном, наполовину отцветший. Юлька целует меня в ладонь. Фасолевый поцелуй. Третий – если забыть, что творилось тут пару часов назад.

Ночь. Юлька меня провожает. По перрону шастают люди, катят двухколёсные чемоданы. Кто-кто украдкой кидает под поезд окурок.

– Давай поклянёмся, Сань, что в этот же день...

Тётка толкает Юльку тележкой, шипит, мол, мешаем пройти.

– Клянёмся, – я касаюсь билетом её зацелованных губ.

– Никогда тебя не любила... ну, может, немножко сегодня.

Где-то на дальнем пути пылко кричит электричка.

Ту-у-у. Кажется, я остаюсь.

